

МАРТА УЭЛЛС

ФИНАЛИСТ ПРЕМИИ «НЕБЬЮЛА»

СЕТЕВОЙ ЭФФЕКТ

ДНЕВНИКИ КИЛЛЕРБОТА

fanzon

Марта Уэллс
Дневники Киллербота:
Книга 5. Сетевой эффект
Серия «Дневники Киллербота», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65765206

Сетевой эффект: Эксмо; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-155885-7

Аннотация

Должно быть, главная отличительная особенность Киллербота – попадать в переделки. Или все автостражи такие? Определенно нет, ведь Киллербот – беглый автостраж.

Очередная миссия в составе команды исследователей оборачивается перестрелкой с неизвестным кораблем, который похищает Киллербота и дочь доктора Мензах. Но есть в этом какая-то странность, ведь корабль – это бот-пилот ГИК, тот самый, что помог Киллерботу удалить модуль контроля. Что происходит? Неужели его предали? Или же это сигнал бедствия и только Киллербот может понять, как спасти друга?

«Сетевой эффект» Марты Уэллс завоевал звание лучшего романа по версии премии «Хьюго» в 2021.

Роман входит в серию «Дневники Киллербота», которая посвящена приключениям обаятельного боевого андроида-

интроверта, и также удостоилась премии «Хьюго», как лучший цикл.

Содержание

1	6
2	20
3	49
4	76
5	102
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Марта Уэллс

Сетевой эффект

Martha Wells

NETWORK EFFECT: A MURDERBOT NOVEL

Copyright © 2020 by Martha Wells

Published by permission of the author and her literary agents, Donald Maass Literary Agency (USA) via Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

© Н. Рокачевская, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

1

Бывали у меня клиенты, требовавшие абсурдного уровня охраны. Причем абсурдного даже по моим стандартам, а ведь меня программировала компания, славящаяся паранойей и ксенофобией, которые ограничивает только бесконечная жадность. Бывали у меня и клиенты, считающие, что им и вовсе не нужна охрана, – ровно до того момента, пока их не сожрет какая-нибудь тварь. Хотя это по большей части метафора. У меня высокий процент несъеденных клиентов.

Доктор Арада, которую ее жена Оверс называет «конечной оптимисткой», находится где-то посередине. Но доктор Тиаго твердо придерживался правила: «Давайте исследуем эту темную пещеру без мерзкого автостража». Вот почему Арада прижалась к стене около люка открытой наблюдательной палубы, а ее ладони потели на ракетной установке, в то время как Тиаго стоял на этой самой палубе, пытаясь визуализировать Потенциальную цель. «Потенциальной» она была названа в недавнем разговоре между доктором Арадой и указанным автостражем, когда Арада заметила, что «не следует называть людей целями», а Тиаго покосился на меня со своим обычным выражением лица, означающим «Ему просто нужен предлог, чтобы кого-нибудь прикончить».

Но все это было до того, как Потенциальные цели начали размахивать собственными здоровенными ракетными уста-

новками.

В общем, именно об этом я размышлял, проплывая под кораблем налетчиков, которые пытались взять на абордаж наш морской исследовательский модуль.

Я проплыл под кормой, тщательно избегая двигательную установку. Тихо всплыл на поверхность, схватился за леер и подтянулся. Стояла безоблачная солнечная погода, и я был как на ладони. Вот нет чтобы эти гады решили напасть ночью. Я запустил в воздух дроны, которые показывали мне обе палубы идиотского корабля, а потому я знал, что в этом месте на корме пусто.

Надо мной нависала треугольная конструкция, слегка скошенная назад, чтобы увеличить скорость судна, а может, еще для чего – я же киллербот и ни черта не знаю об устройстве кораблей. Верхняя палуба на носу изгибалась, там стояло переднее орудие. А значит, на идиотском корабле полно слепых мест, но это уже кошмар какого-то другого охранника. Судно было устроено более мудрено, чем все остальные, с которыми мы встречались во время этой исследовательской экспедиции, и лучше оснащено.

Конечно, из-за этого оно стало лишь более уязвимым.

Я также мониторил внешний периметр и рассеянные вокруг острова – на случай, если это лишь отвлекающий маневр и планируется еще одна попытка нападения. И, естественно, на наблюдательной палубе нашего модуля я установил камеру, чтобы следить за разворачивающимся там спек-

таклем.

Тиаго стоял почти в четырех метрах от люка, причем даже без защитного костюма, – именно так поступают люди, не доверяющие рекомендациям автостража. Очевидный Главарь Потенциальных целей стоял на краю палубы, метрах в трех от Тиаго, небрежно прицелившись в него из ракетной установки. Меня больше беспокоили шесть других Потенциальных целей, рассредоточившихся по носовой палубе идиотского судна, и ствол носового орудия, направленный на верхнюю надстройку нашего модуля.

Некоторые Потенциальные цели были без шлемов. Есть один фокус, который можно сделать с помощью мелких разведывательных дронов (если прикажет клиент или если не работает твой модуль контроля), когда враждебные объекты достаточно тупы, чтобы лезть на рожон без приличной брони. Дрон можно ускорить и направить прямо в лицо враждебного объекта. Даже если не попадешь в глаз или ухо, проникнув прямо в мозг, в черепе все равно получится приличная дыра. Прибегнув к этому способу, я смогу гораздо быстрее вернуться к просмотру «Наследников солнца», но я знал, что Арада печально скривится, а Тиаго изойдет на говно. Хотя, вероятно, все равно придется так поступить. К сожалению, Главарь Потенциальных целей был в шлеме.

Тиаго – брачный партнер брата доктора Мензах, поэтому на его мнение мне плевать.

К тому же у меня пока не было разведанных, сколько

враждебных объектов находятся внутри – там, где расположен пульт управления большим орудием. Если слишком рано уничтожить видимые цели (простите, Потенциальные цели) на палубе, начавшаяся кутерьма может превратиться в полноценную заварушку.

Оставалась еще вероятность, что Тиаго и впрямь сумеет выпутаться из назревающих неприятностей с помощью болтовни. У него хорошо получается убалтывать других людей. Но я оставил дрона перед люком, рядом с Арадой. Оверс расстроилась бы, если бы я позволил убить ее брачную партнершу, к тому же Арада мне нравилась.

– В этом не было необходимости, – сказал Тиаго, вопреки всему сохранивший самообладание. – Мы исследователи и никому не причиним вреда.

Главарь Потенциальных целей что-то ответил, и корабельная система перевела по сети:

– Это была демонстрация серьезности наших намерений. Мы возьмем то, что хотим, и оставим вас в покое. Прикажите остальным выйти.

– Мы отдадим вам припасы, но не людей, – ответил Тиаго.

– Если мне понравятся ваши припасы, я не трону людей.

– Не нужно было ни в кого стрелять. – В голос Тиаго все-таки закрался ужас. – Если вам нужны припасы, мы их отдадим.

Не волнуйтесь, этот «кто-то», в кого они стреляли, – я.

Тиаго, нарушив протокол безопасности, о котором все до-

говорились *заранее*, вышел на наблюдательную палубу, чтобы поприветствовать незнакомцев с идиотского судна. Я последовал за ним и оттянул назад с края палубы, поэтому Главарь Потенциальных целей попал в меня, а не в него. Прямо в плечо. Я благополучно упал с наблюдательной палубы в воду. Но был вне себя от злости.

– Автостраж, автостраж, прием... – позвала меня по голосовой связи Оверс из командного центра.

«Я цел», – ответил я по сети.

Хорошо, что у меня не идет кровь, как у людей, потому что враждебная морская фауна прямо-таки мечтает о подобных ситуациях.

«И у меня все под контролем, всем ясно?»

– Нет, он говорит, что цел, – услышал я ее разговор с остальными по голосовой связи. – Ну конечно, он в ярости.

Я перепрыгнул через леер на палубу. Болевые сенсоры я приглушил, но чувствовал, что снаряд скользнул прямо по вспомогательной оболочке, и это раздражало. Пригнувшись, я спустился в рубку. Цель внутри наблюдала за примитивной системой сканеров. Систему я взломал еще до того, как в меня выстрелили. Я придушил женщину до бессознательного состояния, а потом сломал ей руку, чтобы ей было о чем беспокоиться, если слишком рано очнется. Ее реактивную установку я не забрал, но задержался, чтобы сломать пару важных деталей.

Помещение было забито тюками, контейнерами и другим

человеческим барахлом. Там были и аккуратные упаковочные модули, но все свалено на палубу.

Всего мы заметили одиннадцать отрядов на лодках, и два вошли с нами в контакт. Люди в обеих группах выглядели, по словам Тиаго, «на редкость отклоняющимися от нормы», а другие называли их просто чудными. Обе группы предпринимали одинаково методичные меры предосторожности, показывая, что не имеют враждебных намерений и не держат в руках оружия. Обе группы хотели обменяться с нами припасами. Арада и остальные намеревались просто отдать им все необходимое, но Тиаго попросил сначала рассказать, как они оказались на этой планете.

Так что признаю, возможно, у Тиаго были причины считать, что эта группа тоже не будет враждебной. Но первые группы дали мне возможность составить профиль поведения невраждебных групп, которому эти люди не соответствовали.

Никто меня не послушал, чтоб им пусто было.

Главарь Потенциальных целей и его приятели с идиотского судна были одеты получше тех людей, которых мы встречали раньше, в явно более новую и даже более чистую одежду. На планете не было общей сети (ну что за дурацкая планета?), но на идиотском корабле имелась своя примитивная сеть, забитая играми и порнографией. Однако в ней не нашлось ничего полезного, чтобы оценить угрозы и выяснить, кто те люди и чего хотят. Даже сетевые сигнатуры отдельных

людей содержали только сведения об их сексуальной доступности и половой принадлежности, а мне на это плевать.

Я проскользнул по мрачному металлическому коридору, и тут из соседней двери вышел человек. Я разоружил его и шмякнул головой об пол.

Дверь в следующий отсек была закрыта, но чуть раньше мой дрон приземлился на крышу и прилип к иллюминатору, так что я получил неплохие данные со сканеров и видеокамеры. И весьма кстати, потому что в этом отсеке находился пульт управления здоровенной ракетной установкой, нацеленной на наш модуль.

По данным видеозаписи с дрона, за пультом управления сидел один мелкий человек, сосредоточив все внимание на примитивном экране с прицелом. Три человека покрупнее, все с оружием, развалились в потрепанных креслах за своими панелями с устаревшим или сделанным на скорую руку оборудованием. Они болтали, наблюдая за Тиаго и Главарем Потенциальных целей на экране, как будто это просто очередной будничныи день.

Отсек был сделан в форме луковицы у правого борта и укреплен металлом для поддержки главного орудия. Шесть враждебных объектов на носу небрежно целились из ракетных установок в нашу наблюдательную палубу и стояли слишком далеко, чтобы меня услышать, если я не буду слишком усердствовать. Поэтому я аккуратно защелкнул замок и не стал хлопать дверью, когда вошел.

Цель № 1 за орудийным пультом я поразил излучателем из левой руки. Когда все остальные вскочили на ноги, я схватил Цель № 2 за глотку, отскочил от Цели № 3 и стукнул ее по колену, а у Цели № 4 выбил из рук оружие и сломал ему ключицу. Я заранее попросил корабельную систему перевести мои слова, единственную фразу, которая мне понадобится:

– Только пикните, и вы трупы.

Цель № 1 без сознания валялась на орудийном пульте, от раны в сырой воздух поднимался дымок. Трое других лежали на полу, стонали и поскуливали.

Один враждебный объект снаружи огляделся, но не поменял позицию. Тиаго, отличающийся небывалым умением заговаривать зубы, избежал вопроса, выйдут ли остальные на наблюдательную палубу, так что Главарию Потенциальных целей самому предстояло решить, стоит ли попытаться их похитить. Теперь Тиаго перечислял список наших припасов и делал вид, что никак не может совладать с автопереводчиком корабельной системы. Я знал, что он притворяется, потому что среди прочего Тиаго был полиглотом. Камеры дронов показали, что Главарь Потенциальных целей с удовольствием смотрит, как потеет Тиаго, а тот, вероятно, заметил это и решил подыграть. В уме ему не откажешь.

Ладно, ладно, признаю, я немного расстроен из-за того, что Тиаго мне не доверяет.

У них с Мензах состоялся разговор насчет меня, еще на станции «Сохранение», когда Арада планировала эту экспе-

дицию.

Вот его запись:

Тиаго: Знаю, что я в меньшинстве, но у меня серьезные опасения.

Мензах: Руководит экспедицией Арада, а она хочет взять автостража. И, честно говоря, если он не будет обеспечивать безопасность, я отзываю разрешение, которое дала на поездку Амене.

(Амена – дочь Мензах и сейчас находится в нашем модуле. Нет-нет, никто ни на кого не давил.)

Тиаго: Ты так сильно ему доверяешь?

Мензах: Я готова доверить ему жизнь. В буквальном смысле. Я знаю, что он меня защитит, и тебя, и всех остальных в группе. Конечно, у него есть свои недостатки. Вообще-то он наверняка сейчас нас подслушивает. Ты слушаешь, автостраж?

Я, по сети: Что? Конечно, нет.

Остальное я пропустил. Решил, что будет лучше выключить мои жучки в системе голосовой связи и удалиться.

Цель № 2 что-то прошептала, и корабельная система перевела:

– Ты кто?

– Заткнись, а не то размозжу тебе голову, вот кто я, – сказал я.

Значит, мне все-таки понадобились две фразы.

Нужно было выбираться оттуда, потому что Главарь целей двинулся к Тиаго, а важная часть «Предполагаемого плана

успешного завершения операции», выработанного моим модулем оценки рисков, – избегать возможного захвата заложников. ППУЗО – звучит кошмарно, признаю.

Тиаго попятился.

– Вы же этого не хотите, – пробормотал он. – На самом деле вам это не нужно.

Ну, им уже немного поздновато отступать.

Я вышел из наружного люка и велел дронам занять позиции. На двух врагах были шлемы и броня, а у одного – шлем, но щиток поднят. Я нажал на кнопку открытия люка и отдал приказ.

В последнюю секунду я поменял указания дронам – ударить не по голове или по лицу, нанеся смертельные увечья, а целиться в незащищенные части рук, чтобы только вывести врагов из строя, хотя эти идиоты сами виноваты, решив на нас напасть. Просто я представил печальное лицо Арады, и мне стало не по себе.

Идиотский люк (ненавижу это судно) открывался медленно, а когда открылся, все шесть Целей уже повернулись в мою сторону. Дроны ударили в ту же секунду, когда я распластался на палубе. Одну Цель я поразил излучателем из правой руки, второго подсек по колену, от попадания дронов еще двое рухнули сразу, а последний упал, молотя руками, и судорожно пытался нажать на спусковой крючок, целясь мне в грудь. Ага, как же.

К тому времени Главарь схватил Тиаго за руку и приста-

вил оружие к его голове.

Я пожертвовал еще шестью дронами, чтобы превратить валяющееся рядом со мной оружие в бесполезную грудку металла, а потом вскочил и перешел по абордажной доске на наблюдательную палубу.

– Отпусти его, – сказал я.

Мне не хотелось, чтобы это прозвучало как приглашение к переговорам. У меня имелся специальный модуль для переговоров, где-то глубоко в архиве, но я никогда не считал его полезным.

Главарь захопал глазами, выказывая крайне высокий уровень стресса. Как и Тиаго. С камеры дрона я увидел, как выгляжу – с одежды сочится вода, в рубашке и куртке с логотипом экспедиции «Сохранения» дыры от реактивных снарядов, заляпанные жидкостью и чуть-чуть кровью.

Я обогнул эту парочку, направляясь к люку. Главарь дернул Тиаго, закрывшись им от меня, и завопил:

– Стой! Или я его убью!

Он поступил правильно – я хотел заставить его двигаться, чтобы он открылся для выстрела. А то он стоял перед пузырем наблюдательной площадки под неудачным углом.

– Мы еще можем все прекратить, – выдохнул Тиаго. – Просто дайте нам уйти. Можете взять меня как заложника...

О да, ну очень кстати.

– Никаких заложников, – объявил я.

– Это что за штуковина? – спросил Главарь. – Ты кто?

Бот?

– Это автостраж, – объяснил Тиаго. – Конструкт – наполовину бот, наполовину человек.

Главарь, похоже, ему не поверил.

– А почему выглядит как человек?

– Я и сам иногда задаю себе тот же вопрос, – ответил я.

– Он личность! – раздался голос Ратти из динамика голо-совой связи.

А на заднем плане я услышал шепот Оверс:

– Ратти, выключи коммутатор!

Во время этой болтовни я наскоро порылся в архиве видеозаписей и достал серию «Доблестных защитников». Неплохой сериал, но серия ужасна – на героев нападают злобные автостражи. Злобный автостраж – это нечто противоположное оксюморону, поскольку в сериалах не бывает незлобных автостражей. А есть слово, противоположное оксюморону? Я выхватил трехминутный эпизод, когда автостражи вламываются в лагерь и убивают беззащитных беженцев. Загрузил его в сеть идиотского корабля вместо порнушки и поставил на бесконечное повторение.

Действую я быстро, так что закончил к тому времени, когда Главарь тряхнул Тиаго и сказал:

– Прикажи ему отвалить.

Тиаго фыркнул, словно подавил смешок:

– Я бы с радостью! Но он меня не слушается.

Я слишком часто тебя слушался, Тиаго.

– Да как он... – Главарь мудро не стал завершать тираду. –
Слушайте! Я обращаюсь к тому, кто управляет этой штуковиной. Этого человека я забираю на свой корабль...

– Я сломал ваш двигатель, – сказал я.

Точно, именно так мне и следовало сделать. Поздно спохватился.

Пылая яростью, Главарь дернул Тиаго, тот споткнулся и отклонился в сторону. А я увидел чудесную дырку между плохо пригнанными кусками в броне Главаря, всего несколько сантиметров кожи и одежды на предплечье.

Я бросился вперед, схватил Тиаго и отшвырнул его в сторону, а потом вырвал из рук Главаря ракетную установку. Легонько ткнул его по животу и груди прикладом, и он рухнул на палубу.

Из люка вышла Арада, из осторожности опустив ракетную установку, хотя мой сканер показывал, что она уже поставила оружие на предохранитель.

– Вы целы? Тиаго? Автостраж?

Как я уже сказал, меня подстрелили. Но я не сказал кто.

После истории с «СерКриз» Арада прошла курс стрелковой подготовки. Наверное, когда за тобой гоняется банда убийц, пытаясь тебя уничтожить, чтобы не дать провести исследование, даже конченный оптимист станет осторожнее.

«Доктор Тиаго, доктор Арада, идите внутрь», – сказал я по сети.

Потом схватил Главаря и швырнул на палубу его судна,

по которой ползли другие Цели, пытаясь добраться до люка. Мой сканер засек всплеск энергии в системе носового орудия. Вот что случается, когда как следует не зачистишь враждебное судно.

– Оверс, пора, – сказал я по голосовой связи.

Во время всей этой заварушки Оверс и остальные готовили модуль к взлету. Палуба под моими ботинками загудела и завибрировала, из воды выскочили внешние опоры, и враждебное судно окатило волной, когда мы начали подниматься.

Вряд ли налетчики сообразили, что наш модуль способен летать. Поднявшиеся волны качнули идиотское судно вбок, и у налетчиков сбился прицел.

Внешние опоры сложились, и мы поднялись над поверхностью. В динамике голосовой связи завывла сирена и раздалось предупреждение о необходимости соблюдать дистанцию. Наверное, налетчики решили, что это из-за их двигателя, работающего на бешеных оборотах. Я отозвал дроны, и они всей стайкой влетели в люк. Я зашел вслед за ними, и люк закрылся в соответствии с протоколом взлета.

2

Я сказал себе, что это не такой уж дерьмовый исход для первого раза, когда я работаю консультантом по безопасности, но не притворяюсь человеком и/или не выдумываю существование собственного владельца-человека. Все живы, взяли нужные образцы и провели сканирования. По изначальному расписанию мы должны были покинуть планету через шесть местных циклов, но раз мы закончили раньше, Арада решила вылететь через три цикла и уже подготовила модуль к взлету.

Но нам повезло, а я терпеть не могу везение.

Я остановился в коридоре, где собрал дроны, и четверем велел остаться со мной, а остальных отправил на различные позиции в модуле и ввел в спящий режим. Потом проверил сеть – нет ли каких предупреждений. Члены экипажа, не занятые пилотированием модуля сквозь атмосферу, вопили друг на друга по голосовой связи. В коридоре появилась Арада. В руках у нее больше не было оружия – судя по проведенной мной проверке, она разрядила его и убрала в шкафчик.

– Автостраж, ты должен сходить в медотсек!

Я снова проверил сеть – по-прежнему никаких предупреждений.

– А что там случилось?

– Случилось, что тебя подстрелили.

Ах, ну да, конечно. Арада поманила меня рукой, и я прошёл с ней по коридору на главную палубу. По пути заглянул в дыру на куртке и рубашке и слегка увеличил чувствительность болевых сенсоров. Из меня по-прежнему торчали снаряды ракетной установки. И что-то там взорвалось.

Медотсек находился в конце пандуса – маленькая каюта на одном уровне с зоной отдыха экипажа и камбузом. Жилые каюты, лаборатории и грузовой отсек располагались двумя уровнями ниже, а командная палуба – выше. Рядом с медсистемой нас ждал Ратти.

– Ты цел? – спросил он. – Тебе лучше лечь!

Мне не хотелось терять на это время.

– Я в норме. Просто дай мне щипцы.

– Нет-нет, ты же был в воде, нужно обеззараживание и антибактериальное экранирование. Как только система будет готова, ты должен лечь. – Он ткнул пальцем в узкий стол и вытащил из ящика набор неотложной помощи. – Тиаго получил несколько царапин на шее, но в остальном цел и невредим, – сообщил он.

Взяв набор, Ратти вышел. Вопли из коммутатора слегка притихли, но доносились напряженные голоса из комнаты отдыха. Модули «Сохранения» вроде этого не оснащались системой безопасности, которая все записывает, и вездесущими камерами – из-за уважения к частной жизни, и всякое такое, но я подслушивал через голосовую связь и с помощью

дронов. Если хотел, конечно, а сейчас не хотел.

– Ратти прав, автостраж, – сказала Арада, – пусть медсистема убедится, что раны не инфицированы. – Она поколебалась. – А я... – Она резко вздохнула. Я просто стоял как болван, не понимая, о чем она. – А был ли какой-нибудь другой способ...

Она снова не закончила, но на этот раз я сообразил, о чем она спрашивает.

– Нет. Если бы ты ждала дольше, я бы попытался задействовать дрон. Вероятно, он выживет, если его как следует подлечат.

Она и в самом деле не хотела никого подстрелить, даже сказала мне, что едва заставила себя научиться стрелять. Я тоже не особенно стремился ее обучать. У людей есть дурная тенденция использовать оружие, когда не надо, и стрелять куда попало. Во многих случаях меня подстрелили клиенты, которые пытались мне «помочь». Печальная статистика. На второй строчке статистики – когда меня подстрелили клиенты, пытавшиеся попасть во что-то другое, а я просто случайно подвернулся.

Арада потеряла глаза и скривила губы.

– Пытаешься меня подбодрить?

– Нет. – И не собирался. Я часто лгу людям, но только не Араде, и не про такое. – Я не пытаюсь тебя подбодрить. Ты же знаешь, какой я.

Она фыркнула, невольно развеселившись:

– Да уж, я знаю, какой ты.

Ее лицо расплылось в приступе сентиментальности.

– Никаких объятий, – предупредил я. Такое условие записано в нашем контракте. – Тебе нужна эмоциональная поддержка? Мне позвать кого-нибудь?

– Нет, спасибо, – улыбнулась она. Медсистема просигналила по сети о готовности. – А теперь давай убедимся, что у тебя все хорошо.

Она вышла из медотсека и установила фильтр на двери, чтобы предоставить мне уединение. Я снял одежду и бросил ее в дезинфектор, а сам забрался на стол. Медсистема проверит, нет ли загрязнений, и вытащит из моего плеча и груди снаряды.

Процесс занял всего три минуты, я как раз успел закончить просмотр той сцены в «Наследниках солнца», которую поставил на паузу, когда Тиаго подставил меня под выстрел. Медсистема попыталась начать цикл постоперационной терапии, но я прервал ее и спрыгнул со стола. Сеть сообщила, что мы вышли на орбиту и скоро состыкуемся с базой.

Теперь от моей одежды воняло дезинфекцией, но она была сухой и чистой. Я оделся и убрал фильтр на двери.

В коридоре стоял Тиаго. Вот радость-то.

Он выглядел злым и расстроенным, я сразу это понял, хотя и смотрел вбок.

– Ты убил тех людей? – спросил он.

Я был так зол, что хотелось разорвать его в клочья. Для

подобных ситуаций у Компании, которая когда-то мной владела, был особый протокол – когда на палубе находится группа враждебных объектов, необходимо произвести хотя бы один смертельный выстрел. К тому же меня подстрелили, и враги ясно выразили свое намерение убить или похитить моих клиентов. Но больше Компания мной не владеет, здесь я отчитываюсь только перед Арадой, да и то в ограниченном числе случаев, определенных контрактом, на который договорилась от моего имени Пин-Ли.

Однако я для того и взломал свой модуль контроля, чтобы никто не мог заставить меня убивать людей, если мне не хочется. И даже если хочется.

– Я отчитался перед своим нанимателем, – сказал я.

Знаю, знаю, я мог бы ответить «Нет, я никого не убивал». Мог бы сказать, что даже автостражи Компании пытаются нанести как можно меньший ущерб, потому что Компания терпеть не может оплачивать страховку выжившим, а еще потому, что автостражи не какие-то там маньяки-убийцы, если только люди специально их таковыми не делают. Я мог бы сказать, что поставил бы его жизнь под угрозу, если бы не застрелил вооруженных Целей, но знал, что Арада не хотела никого убивать.

Он поджал губы:

– Могу спросить и у нее.

– Именно так и следует поступить.

Он сердито покосился на меня и, судя по тому, как под-

нялась температура его смуглых щек, кипел от ярости, замешательства и, возможно, еще каких-то эмоций. Но я был уверен, что он просто говнюк, вот и бесится.

– Слушай, – сказал он после недолгого колебания. – Я не хотел, чтобы тебя подстрелили. Прости.

Если бы ты хотел, чтобы меня подстрелили, Тиаго, мы бы разговаривали по-другому. Но во мне еще все клокотало, и потому я сказал:

– Протокол безопасности, о котором условились все члены экипажа, находится в свободном доступе в сети.

Он сделал такое лицо, какое бывает у людей, когда они не хотят показывать раздражение. Ага, я своего добился.

– Признаю, я ошибся. Но у меня не было причин полагать, что эти люди настроены враждебно.

А у меня были. Я мог бы привести краткую выдержку из своего отчета оценки рисков, где говорилось, по каким причинам приближающееся судно скорее всего нас атакует. Мог бы указать на то, что они в меня выстрелили первыми, считая лишь невооруженным человеком. Но просто не стал ему отвечать. Я ему не нравлюсь, а он не нравится мне, ничего не поделаешь.

Это совершенно нормально.

Я пошел дальше по коридору.

HelpMe.file, фрагмент № 1

(Файл, выделенный из главного архива)

С тех пор как я решил остаться (временно) на станции «Сохранение», доктор Мензах семь раз просила меня съездить с ней в разные места. Шесть поездок оказались просто скучными встречами на кораблях – на орбите или в порту. На седьмой раз она попросила меня спуститься вместе с ней на поверхность местной планеты. Я не люблю планеты, но доктор Мензах завлекла меня, сказав, что там будет арт-фестиваль/конференция/религиозное действо, включающее «множество» живых выступлений. Я проверил и выяснил, что «множество» означает восемьдесят семь, и согласился.

Некоторые живые выступления оказались неинтересными показами или семинарами, но мне удалось посетить тридцать две пьесы и мюзикла, пока Мензах с кем-то встречалась или проводила время с членами своей семьи. С помощью дронов я посмотрел все спектакли, которые пересекались друг с другом в расписании. Они записывались в местную планетарную сеть, а из самых популярных потом сделали видеофильмы, но мне хотелось посмотреть все. Однажды вечером пришлось оторваться от просмотра пьесы, когда ко

мне в сеть постучалась Мензах и попросила кое-что для нее сделать.

Просьба была такой резкой и настолько не в ее характере, что я ответил кодовой фразой – на случай, если ее удерживают против воли. Но она сказала, что просто устала. Это было еще менее характерно. Ну, то есть я видел, что она устала, просто не хотел этого признавать.

Я оставил дрона записывать спектакль до конца и вышел из театра. Была ночь, и толпа на улице начинала редеть, но в большом павильоне на другой стороне площади еще шумела вечеринка.

По сравнению с другими толпами людей толпа на этом фестивале была не так уж плоха, поскольку все люди и дополненные люди болтали друг с другом по голосовой связи или по сети или спешили занять свои места. Однако был и недостаток – многие люди размахивали какими-то предметами с огоньками или игрушками, осыпаящими все вокруг искрами, либо бросали хлопушки, которые взрывались светом. Понятия не имею, что это такое. В общем, пока они были этим заняты, меня никто не замечал.

К тому же это было «Сохранение», здесь не летали дроны со сканерами, не было никакой вооруженной охраны, только спешили по вызову медики с ботами-помощниками, а еще были «смотрители», которые в основном следили за выполнением природоохранного законодательства и кричали на людей и дополненных людей, чтобы ушли с дороги перед

транспортом.

Я отыскал Мензах в уголке павильона, она разговаривала с Тиаго и Фараи – одной из своих брачных партнерш. Я остановился рядом с Мензах, и она схватила меня за руку.

Вообще-то конструкторов, полуботов-полулюдей, в особенности того, кто называет себя Киллерботом, неплохо бы предупреждать, когда собираешься схватить его за руку, если это не та ситуация, когда человек хватает тебя за руку, чтобы ты спас его от смертельной опасности. И эту ситуацию я так и воспринял: Мензах хотела, чтобы я ее спас. И поэтому я не отреагировал, лишь придвинулся к ней ближе.

– Не понимаю, почему ты просто не могла поговорить с нами, – сказал Тиаго.

Я четко его слышал, поскольку включил шумоподавитель, и теперь музыка играла на приятном фоновом уровне. Тиаго бросил на меня раздраженный взгляд, как будто я прервал их разговор. Уймись, это ведь она меня позвала. И я здесь на работе, мне платят на карточку с твердой валютой, и все такое.

– Я же объяснила почему, – ответила Мензах совершенно обычным голосом, твердым и спокойным.

Разве что в точности так же она разговаривала с людьми, которые пытались нас убить. По всему павильону летали мои дроны, и оружия они не обнаружили. Оружие на этой планете вообще запрещено, не считая определенных неисследованных областей, где людям угрожает враждебная фауна.

Все говорили громко, но мои фильтры показывали, что это вполне в рамках радостных, заинтересованных или возбужденных от выпивки тонов. Однако то, как крепко Мензах схватилась за мою руку, подсказывало, насколько напряжены ее мышцы. Оценка ситуации? Понятия не имею.

– Нет, Тиаго, – сказала Фараи. – Если она просит подвигнуться, тебе стоит согласиться. – Она вежливо мне улыбнулась. Я никогда не знал, как на это реагировать. Она наклонилась к Мензах и поцеловала ее. – Ладно, увидимся дома.

Мензах кивнула, и я позволил ей утащить себя из павильона.

– Тебе нужен врач? – спросил я ее снаружи, на пешеходной площади.

Решил, что она заболела. Если бы я был человеком, то, пробыв в том павильоне со столькими людьми два с половиной часа, точно бы заболел.

– Нет, – ответила она спокойно и твердо. – Просто устала.

Я послал по сети запрос на транспортное средство, которое на «Сохранении» по какой-то причине называлось карт (явно по какой-то дурацкой причине), чтобы ждал нас в ближайшей зоне посадки. Площадь и улицы были освещены небольшими, парящими над землей фонарями, а почву и временное мощение замысловато разрисовали светящейся краской (к счастью, не краской-маркером, которая передает в сеть видеоролики, вот это суший кошмар). Пока мы пробирались сквозь толпу, люди узнавали Мензах, улыбались и

махали руками. Мензах улыбалась и махала в ответ, но не отпускала мою руку. На обочине транспортной зоны к нам заковылял какой-то набравшийся тип с горстью блесток в ладони, но я пристально посмотрел на него, и он свернул в сторону.

Карт уже дожидался, и я усадил туда Мензах, а сам сел рядом. Я велел карту ехать в семейную палатку, которую возвели в жилой зоне на краю фестивальной площадки. Картом управлял довольно ограниченный бот, развозящий людей по всей фестивальной площадке, но соблюдающий запрет передвигаться по закрытым для транспорта зонам.

Он пожужжал в темноту, по дорожке среди высокой травы и кустов. Мензах вздохнула и открыла окно. Ветер был по-прежнему теплым и пах растительностью, а установленные вдоль дорожки низкие фонари не заслоняли звезды. Местность была плотно заселена прибывшими на фестиваль людьми и дополненными людьми, но сейчас мы ехали по той зоне, куда люди обычно приходят поспать. Временное жильё (всевозможные навесы, палатки, дома на колесах и складные конструкции, больше похожие на арт-инсталляции) в основном было темное и тихое. Зона для тех, кто хотел пошуметь, находилась на противоположном конце площадки – за экраном, приглушающим музыку и другие звуки.

– Спасибо, – сказала Мензах. – Прости, что прервала твои занятия.

Я отозвал всех дронов, кроме записывающего спектакль,

и того взвода, который я отрядил присматривать за членами семьи, еще оставшимися на вечеринке. Еще один взвод находился в палаточном лагере, наблюдая за периметром, а также двумя взрослыми и семью детьми, вернувшимися раньше.

Я не знал, как себя вести. Непохоже, чтобы над Мензах нависла смертельная угроза, но ее поведение отличалось от обычного, когда она возвращалась в жилмодуль после утомительного, но плодотворного дня, взяв все нужные образцы.

– Я записал спектакли, – сказал я. – Хочешь посмотреть? Она встрепенулась.

– Мне так и не удалось посмотреть ни одного представления. Ты записал... Как же он назывался? Новый исторический спектакль Глоу и Цзы-минь?

Разница между ее ответом в стиле «спокойно и как ни в чем не бывало» и обычным спокойствием была достаточно ощутима, чтобы построить диаграмму.

– Да. Он неплох, – ответил я.

Ее явно что-то беспокоило, и не только то, что члены ее семьи меня сторонились, как и я их. Они предполагали, что я останусь в палаточном лагере. Ну уж нет. Мензах сказала им, что я не нуждаюсь в помощи и присмотре и могу ходить, куда вздумается. Цитата: «Если он сумел выбраться из напичканных охраной корпоративных систем, когда в него стреляли, то уж с нашим фестивалем как-нибудь справится».

И не сказать чтобы ее семья панически боится ужасных

беглых автостражей, которых обожают показывать в сериалах и новостях, или что не любит ботов. На «Сохранении» живут «свободные» боты, хотя у них есть хранители, отвечающие за их действия. Нет, они не любили именно меня.

Это не относится к семи детям. С тремя из них я тайком обменивался файлами по сети.

Думаю, если бы я был обычным ботом или даже обычным автостражем, просто списанным, наивным и ничего не понимающим в мире людей, вроде тех ботов, которых изображают в сериалах, то они бы смирились. Но я не такой. Я – это я, Киллербот.

Так что у Мензах не ручной бот вроде бедняги Мики и не печальный полубот-получеловек, которому нужно постоянно помогать, теперь у нее появился я.

Все это я позже высказал доктору Бхарадвадж, когда у нас был долгий разговор обо всем – она в то время собирала материал об отношениях ботов и людей для своего документального фильма.

– Как бы мне хотелось, чтобы ты ошибался, – сказала она, поразмыслив.

Фараи была одним из немногих исключений. Когда Мензах впервые представила меня членам своей семьи, на станции, Фараи со мной поговорила. Точнее, поговорила передо мной. Вот запись:

Фараи: Ты знаешь, как мы благодарны за то, что ты вернул ее.

Это я знаю, да. Что в такой ситуации говорят люди? Быстрый поиск по архиву подсказал вариант: «Хм... ну да», и даже я понял, что он совершенно неуместен.

Просто для сведения: если стоящий рядом Киллербот устоялся куда-то левее вашей головы, избегая смотреть в глаза, то это не оттого, что он раздумывает, как бы вас прикончить, он просто судорожно пытается придумать достойный ответ.

– Я хотела спросить, какие у тебя с ней отношения, – добавила она.

Хм. В Корпоративном кольце Мензах была моей хозяйкой. На «Сохранении» она – мой хранитель. Это то же самое, что и хозяин, но законы «Сохранения» требуют обращаться с ботами ласково. Однако Мензах и Пин-Ли пытались закрепить за мной статус «беженца, работающего в качестве консультанта по безопасности».

Я знал, что Фараи все это знает, а значит, просит ответить ближе к объективной реальности. И – удивительное дело – ответа у меня не было.

– Я ее автостраж, – сказал я.

Ага, это запись из буфера.

Фараи подняла брови.

– И что это значит?

Меня в очередной раз загнали в угол, так что пришлось быть честным:

– Я не знаю. Хотел бы я знать.

– Спасибо, – улыбнулась она.

Вот так все и было.

А еще семья Мензах бесилась при одной мысли о том, что я буду обеспечивать безопасность – видимо, они боялись, что я распугаю всех нормальных гостей или убью кого-нибудь. Однако, хотя я и устроил несколько заварушек гигантского масштаба, а мой модуль оценки рисков оставляет желать лучшего, вероятные угрозы я оцениваю неплохо, на уровне девяноста трех процентов. А оставшиеся семь относятся к ситуации, когда я не знал, что Уилкен и Герт – наемные убийцы, пока Уилкен не попыталась выстрелить Доне Абене в голову, но это единичный случай.

А еще семья Мензах считала, что охрана им вообще без надобности. Может, до «СерКриз» так оно и было. Хотя пока что во время фестиваля мне пришлось иметь дело лишь с пятью нападениями – журналистами и записывающими видео дронами из других звездных систем. Дроны я перехватил – лишними они никогда не бывают – и известил местных рейнджеров, чтобы прогнали журналистов. Из-за пятого нападения я поссорился с Аменой, старшей из отпрысков Мензах.

Как только начался фестиваль, я заметил потенциально враждебный объект, который крутился рядом с Аменой. Доказательства накапливались, и оценка угроз перешла на критический уровень. Вот как обстояло дело:

1) он сообщил Амене, что они примерно одного возраста

и по местным законам еще не считаются взрослыми, однако физическое сканирование и открытые записи в сети показали, что он примерно на двенадцать местных лет старше;

2) он никогда не приближался к ней, когда рядом были члены семьи или подтвержденные друзья;

3) стоило ей отвернуться, как он пялился на ее вторичные половые признаки;

4) он поощрял ее употреблять опьяняющие вещества, который сам при этом не употреблял;

5) ее родители и другие родственники предполагали, что она с друзьями, в то время как она была с ним, а друзья думали, что она с родными, при этом она не рассказывала о нем ни тем, ни другим;

б) у меня просто было плохое предчувствие насчет этого говнюка.

Вы решите, что мне стоило сделать очевидное – известить Мензах, Фараи или Тано, третьего брачного партнера. Но я не стал.

Я кое-что усвоил, а именно, в чем разница между частными данными и открытыми.

И вот, когда Потенциальная цель и Амена вернулись в его стоящий на отшибе домик, чтобы «встретиться с друзьями», я решил действовать.

Он повел Амену в темный дом, и она споткнулась о низкий столик. Амена хихикнула, а он засмеялся.

– Погоди, я сейчас, – сказал он, пытаясь казаться более

пьяным, чем был на самом деле, и включил по сети свет.

И вот он я, стою в центре комнаты.

Он заорал. Да, это было весело.

Амена испуганно прижала ладонь к губам, но потом узнала меня.

– Какого черта? – сказала она. – Что ты здесь делаешь?

– Что?.. Кто?.. – охнула Потенциальная цель.

Амена разъярилась.

– Это... друг моей второй матери, – сказала она, скрежеща зубами. – И ее бо... охранник.

– Что?! – Он был сбит с толку, но потом до него дошло, что значит «охранник». Он тут же отпрыгнул от Амены. – Э-э-э... Наверное... Тебе лучше уйти.

Амена посмотрела на него, а потом сердито покосилась на меня, развернулась, выбежала за дверь и умчалась дальше по дорожке. Я последовал за ней, и Потенциальная цель отскочила, когда я пробежал мимо. Ага, так-то лучше.

Я поравнялся с ней на проселочной тропе, освещенной парящими в воздухе фонарями-указателями. Я не специально пытался ее догнать, просто ноги у меня длиннее, а она больше топала, чем пыталась уйти.

– Откуда ты узнал, где я? – спросила она. – Ты что, прятался под крыльцом?

Она решила, что я не пойму сравнение с домашним животным.

– Это было грубовато, – ответил я. – Тем более, учитывая

то обстоятельство, что я... «друг» твоей второй матери. – Слово «друг» я иронично подчеркнул. – У вас так принято разговаривать со слугами-ботами?

Камера дрона показала, что озадаченное выражение ее лица сменилось на угрюмое и виноватое.

– Нет. У меня нет ботов-слуг! Я не знала... Я никогда не слышала, чтобы ты разговаривал.

– Ты не задавала вопросов. – Неужели я и правда такой молчаливый? Я разговариваю с детьми по сети и с Мензах. Возможно, для остальных членов семьи мне лучше снова притвориться роботом. – Никто не собирался приходить в тот дом. Этот человек солгал тебе про встречу с другими людьми.

Она снова топала молча целых двенадцать с половиной секунд.

– Слушай, ты, конечно, прости, но я не какая-нибудь идиотка, меня на мякине не проведешь. Если бы он сделал то, что мне не по нраву, я бы просто ушла. А если бы он меня не выпустил, я могла бы позвать на помощь по сети, в любой момент. – Она говорила презрительно и заносчиво. – Я бы не дала себя в обиду.

– Если бы я решил, что он собирается тебя обидеть, я бы его ликвидировал. Меня тоже на мякине не проведешь.

Она остановилась и уставилась на меня. Я тоже остановился, но смотрел себе под ноги.

– Мензах – руководитель планеты и небольшой полити-

ческой организации, которая привлекла недоброе внимание важных корпораций. Ее положение изменилось. Тебе пора повзрослеть и понять это.

Она набрала в грудь воздуха для ответа, но потом запнулась и покачала головой.

– Он не был шпионом из корпорации. Он просто...

– Просто человек, которого ты не знаешь, появившийся незнамо откуда на большом открытом фестивале, который посещает половина континента и еще куча народа со всех концов вселенной.

Я знал, что он не корпоративный шпион (см. выше, насчет ликвидации), но она точно не могла знать наверняка.

Она затихла на шестнадцать секунд:

– Ты расскажешь родителям?

Так вот о чем она волнуется. Я был оскорблен и разозлился:

– Не знаю. Полагаю, ты об этом узнаешь.

Она сердито затопала дальше.

Так что, вспоминая это, я понимаю, что не все шло гладко.

* * *

Карт тарахтел в темноте вверх по склону низкого холма к загородному дому – раскладной двухэтажной конструкции с широкими закрытыми балконами на обоих уровнях. Рядом с домом стояла пара раскидистых деревьев, протянув над кры-

шей ветки с резной листвой. Дом построил дедушка Мензах, ее бабушки и другие члены семьи занимались первичной разведкой планеты и терраформированием. Все колонисты, не жившие на орбитальном корабле, селились во временных строениях, которые перемещали в зависимости от времени года, чтобы избежать разрушительных погодных явлений в обитаемых тогда частях планеты.

По всем холмам вокруг были разбросаны и другие раскладные дома, большие и маленькие, ближайший – всего в двадцати семи метрах. Внутри дома горел свет, а один фонарь парил в качестве указателя для парковки транспорта. Меня беспокоило бы такое скудное освещение, если бы я не выставил в патрулирование окрестностей тридцать семь дронов.

Дроны засекли только ранее опознанных людей и дополненных людей – те возвращались к себе домой или прогуливались. Я проверял всех неопознанных людей, которых встречал в первый раз. Энергетические сигнатуры я хранил в маленьких переносных гаджетах, которые люди используют для медицинских целей, в Корпоративном кольце я таких не видел, хотя больше времени проводил на планетах, где люди не особо включены в систему корпоративного рабства. В сериалах показывали планеты, где совсем нет корпоративного рабства, но я на таких не бывал. Дроны засекли также пятерых младших детей, отправившихся в совершенно нелегальную вылазку к ближайшему ручью, где они исполняли

странный ритуал, напрыгивая друг на друга из-за кустов и скал. Они вернулись в дом, не замеченные родителями или старшими братьями и сестрами, и теперь развалились у себя наверху и смотрели сериалы.

В доме имелись защищенные герметичные окна и двери, но никто ими не пользовался, никто! Хорошо хоть это облегчало существование моим дронам-патрульным.

– Я посижу немного снаружи, – сказала Мензах, когда карт остановился. – Почему бы тебе не вернуться на фестиваль? Сегодня наверняка есть еще несколько спектаклей, правда?

Я стараюсь не спрашивать людей, что с ними не так. В основном потому, что мне плевать. А в тех редких случаях, когда не плевать, это означает разговор, не касающийся напрямую протоколов безопасности, а тут я уже вступаю на тонкий лед, по многим причинам. Но люди постоянно спрашивают друг друга об их текущем статусе, так что в этом сложного? Это обычный запрос информации, только и всего. Я провел быстрый поиск и вытащил несколько фраз из своей медиакolleкции. Ни одна не выглядела похожей на фразу, которую я могу произнести по своей воле, поэтому я передумал и спросил по-простому:

– Что с тобой не так?

Она удивилась и покосилась на меня:

– Не начинай.

И все-таки что-то было не так, это заметили даже другие

люди.

– Я должен знать обо всех потенциальных проблемах, чтобы верно оценить угрозы.

Она подняла бровь и открыла дверь карта:

– В нашем контракте такого не написано.

Я вышел из карта и последовал за ней к креслам, стоящим у дома, на траве под деревьями. Тень была такая глубокая, что пришлось включить фильтр ночного видения, иначе я бы не разглядел Мензах.

– Это потому что я вечно отлыниваю от работы.

Она села.

– Если ты так отлыниваешь, не хотелось бы мне увидеть, как бывает, когда... – Ее улыбка угасла, и она умолкла, однако потом добавила: – Но, кажется, я все-таки видела, когда ты старался изо всех сил.

Я тоже сел. Все-таки я никогда до конца не привыкну вот так сидеть рядом с людьми. Она не выглядела расстроенной, но и довольной тоже не выглядела. Однако должен признать, что мой лобовой вопрос вызвал неловкий разговор, который я как раз затевать не хотел. Жаль, что я не ГИК, у него хорошо такое получалось. Он умеет заставить тебя говорить на нужную ему тему, но чтобы ты при этом думал, будто говоришь о другом. Я не шутил, назвав ГИКа гнусным.

– Ты не ответила на вопрос.

Она откинулась на спинку кресла.

– Ты какой-то встревоженный.

– Потому что я встревожен.

И все чувства невольно отразились на моем лице.

Она вздохнула.

– Ничего страшного. Мне просто снятся кошмары. О том, что я в плену на Тран-Роллин-Хайфе, и... Ну, ты понял. – Она раздраженно махнула рукой. – В этом нет ничего особенного. Было бы странно, если бы у меня не было кошмаров.

Я видел мало людей в фазе восстановления после травмы – в мою задачу входило отвести клиента к медсистеме, пока он не умер, и прибраться за ним, в том числе утилизировать клиента при необходимости. Однако в сериалах, которые я смотрел, стадию восстановления показывали часто. Бхарадвадж воспользовалась программой посттравматического восстановления в медцентре станции, и в большой больнице портового города эта программа тоже была.

Не только я считал, что Мензах нужно пройти посттравматическое лечение. Но, вероятно, только я знал, что она этого не сделала. Она не солгала, нет, просто позволила другим людям думать, будто прошла его. Однако посттравматическое лечение проходит не одномоментно, как лечение в медсистеме, нужно приходить много раз, а у Мензах никогда не было времени в расписании.

– Ты поэтому боишься покидать станцию без меня? – спросил я.

Лидер планеты «Сохранение» нуждается в охране по двум

причинам. По первой, как и девяносто девять процентов местного населения, она никогда не пользовалась охраной, если только не собиралась нанести официальный визит в какое-нибудь место вроде Корпоративного кольца. И по большому счету все они правы.

Криминальная статистика на станции «Сохранение» была прискорбно скудной и обычно включала повреждение собственности или назойливость в состоянии опьянения, а также мелкие нарушения природоохранного законодательства или кражи грузов в порту. Раньше Мензах не нуждалась в охране на станции или на планете, ее повсюду сопровождали только новобранцы, отслеживавшие ее расписание и время от времени пытавшиеся что-нибудь всучить. А они за охранников не считаются.

Оставшийся один процент населения состоял из меня, исследовательской группы, всех работников службы безопасности станции и членов совета «Сохранения», которые знали, что наемники «СерКриз» пытались ее убить. Тот инцидент не попал в прессу, а потому вряд ли кто-либо предполагал, что Мензах нужен консультант по безопасности, не говоря уже об автостраже.

Но сейчас дела у «СерКриз» обстояли не так хорошо, после того как нанятая ими частная охранная компания «Частокол» приняла неверное решение и атаковала истребитель страховой компании, которая когда-то мной владела, тем самым нанеся ей финансовый ущерб. Компания отличается па-

тологической жадностью и стремлением удешевить все, что можно, но помимо этого она беспощадна, методична и крайне жестока, когда ей угрожают. После инцидента с истребителем отношения между двумя корпорациями серьезно ухудшились, и активы «СерКриз» оказались таинственным образом уничтожены в веренице якобы случайных происшествий, а руководство и сотрудники взрывались или обнаруживались в ящиках, слишком маленьких, чтобы они могли поместиться туда целиком. И так далее и тому подобное.

А как только «СерКриз» почти перестала существовать, даже моя оценка угрозы серьезно снизилась, но Мензах по-прежнему хотела, чтобы я продолжал ее охранять. Я думал, она надо мной подшучивает, просто пользуется возможностью, чтобы платить мне в твердой валюте, которая понадобится, если (или когда) я покину «Сохранение», чтобы дать мне возможность попрактиковаться в жизни рядом с людьми, когда меня не причисляют к оборудованию или смертоносному оружию. Ага, я считал, что все это из-за меня, но и люди считают, что все крутится вокруг них, так ведь? Так что это распространенная проблема.

Однако уже некоторое время я начал думать, что дело в другом.

Ее губы слегка дернулись, и она отвернулась, посмотрев через темные холмы и поля на освещенные окна других домов и палаток.

– Я думаю, это очевидно, – сказала она.

– Не очевидно.

По крайней мере, не для большинства людей. У меня было такое чувство, что Фараи и Тано знают, но не понимают, как поступить.

Мензах поежилась.

– Вряд ли тебя удивит, что с тобой мне гораздо спокойнее. А еще мне легче находиться в окружении людей, понимающих, что произошло и каково мне было. А это только ты и остальные члены исследовательской группы. – Она поколебалась. – Фараи и Тано понимают, но я не стала объяснять брату, сестре, Тиаго и остальным, почему мне недостаточно просто их эмоциональной поддержки, как бывало раньше. – Она помрачнела. – Они не понимают, что значит находиться в руках корпорации.

Теперь я понял. Людям из Альянса «Сохранение» не доводилось подписывать рабочий контракт и лететь на рудники, чтобы проторчать там восемьдесят или девяносто процентов жизни. Здесь существует какая-то странная система бесплатной раздачи пищи, жилья, образования и медицинского обслуживания, вне зависимости от выполняемой работы. Так повелось еще со времен полета на громадном корабле колонистов и обещания его экипажа заботиться о каждом до бесконечности, если они сумеют выбраться из проклятой старой колонии живыми. Все это сложно, и когда я смотрел их исторические драмы, то обычно пролистывал часть, касающуюся экономики. В общем, как бы то ни было, людям эта

система явно нравится.

Но Мензах права, эти люди не представляют, что значит жить под контролем корпорации. И уж точно не знают, каково оказаться мишенью для корпорации, желающей тебя убить.

Я снова проиграл запись разговора Мензах с Тиаго и Фараи на вечеринке. Мензах похитили из Порта Свободной торговли во время встречи с родственниками убитых исследователей. Возможно, это случилось на шумной вечеринке, когда тех людей, которые могли ей помочь, отвлекли, и теперь обстановка показалась ей знакомой.

– Тебе нужно пройти посттравматическое лечение, – сказал я.

– Пройду, – резко ответила Мензах. – Пройду. Но сначала мне нужно кое-что сделать. – Она повернулась ко мне. – И я хочу, чтобы ты полетел в экспедицию с Арадой. Ты им нужен. И для тебя это отличная возможность.

Было слишком темно, чтобы она могла разглядеть выражение моего лица. Пожалуй, я бы описал его как скептическое. Ратти говорит, что большую часть времени я выгляжу именно так.

С уверенностью лидера планеты («Я совершенно точно намерена тебя убедить») она добавила:

– Кстати, Амена и Тиаго тоже едут. Я буду лучше себя чувствовать, если ты за ними присмотришь.

О-хо-хо.

– А как же ты?

Она набрала воздуха, чтобы ответить – мол, она справится. Я достаточно хорошо ее знаю, чтобы предугадать точные слова. Но потом она задумалась. Следящий за ее лицом дрон увеличил изображение, в фильтре ночного видения ее лицо было черно-белым, с напряженным и суровым выражением. Она прикусила нижнюю губу.

– Терпеть не могу чувствовать себя такой слабой, – сказала она. – Мне просто нужно прекратить полагаться на тебя. Это нечестно по отношению к тебе. Нам нужно расстаться, чтобы я смогла... опять встать на собственные ноги.

Я не считал, что она не права, но не привык, что главным аргументом для человека является несправедливость по отношению ко мне. Да и звучало это неопределенно, словно в сцене расставания из романтического сериала, хотя обычно я такие сцены проматываю.

– Дело не во мне, а в тебе, – сказал я.

Она подавила смешок.

А потом мне пришлось прибегнуть к шантажу.

* * *

Частично проблема заключалась в том, что Мензах, слишком честная в таких вещах, призналась Амене, что велела мне за ней присматривать, и Амена интерпретировала это каким-то связанным с человеческими гормонами образом,

не поддающимся пониманию. Однако Тиаго уже взрослый, и потому у него нет подобных извинений, воспринял это так, будто Мензах не доверяет ему заботу о племяннице.

Амена поехала в экспедицию, видимо, потому, что по программе стажировки в ее специальности требовалось оказаться в критической ситуации. Учитывая наше предыдущее взаимодействие, она совершенно точно не желала, чтобы мне велели за ней наблюдать.

Наверное, я слишком ярко живописал ей отношения с Потенциальной целью. Почти всю жизнь я мягко намекал людям, что не стоит делать то или иное и в результате быть убитыми, и теперь было приятно многословно растолковать, что нельзя быть такими кретинами. Но я не сожалею о содеянном.

Попытка Амены в обход Мензах обратиться к Фараи и Тано показательно провалилась, и трехсторонний разговор по голосовой связи стал четырехсторонним, когда Фараи попросил Мензах присоединиться. Точно не знаю, что случилось после этого. Даже мне не хотелось на это смотреть.

Вот что случилось до экспедиции. А теперь мы здесь и готовы к встрече с новой катастрофой. (Осторожно, это был спойлер.)

3

Мы без проблем пришвартовались, Арада и остальные передали управление экипажу базового корабля. Наш модуль не мог проходить через червоточины и, в сущности, служил просто большим и неуклюжим лабораторным модулем, способным самостоятельно взлетать и садиться.

Всего через четыре стандартных дневных цикла мы собирались вернуться обратно на «Сохранение», и я планировал за это время досмотреть «Наследников солнца» до конца. Это была историческая семейная драма, изрядно затянувшаяся, действие происходило в одной из ранних колоний, там было сто тридцать шесть персонажей и почти столько же сюжетных линий.

Я и раньше смотрел семейные драмы, но до приезда на «Сохранение» никогда не проводил столько времени с настоящими человеческими семьями. По моим данным, семейные драмы всего на десять процентов или меньше напоминают настоящие человеческие семьи, и это удивительно и одновременно большое облегчение, учитывая все происходящие там убийства. В смысле в сериале, а не в семье Мензах.

Когда мной владела Компания и сдавала меня напрокат исследовательским экспедициям, протокол безопасности включал сбор данных, то есть в период действия контракта я следил за людьми и записывал все разговоры, что было во

многих смыслах мучительно. Да во всех смыслах мучительно. Например, когда это касалось секса, обмена телесными жидкостями и пустопорожних разговоров. Я никак не могу привыкнуть к тому, что, находясь в замкнутом пространстве с людьми, могу просто закрыть дверь и отгородиться от них, наплевав на то, чем они там заняты.

Но это не значит, что люди оставили меня в покое.

Ко мне в каюту заглянул Ратти. У меня не было причин его не впустить. Знаю, знаю, я до сих не свыкнусь с мыслью о том, что иногда люди хотят просто поболтать. Он сел на складной стул напротив койки.

– Тиаго успокойся, – сказал он. – Он просто не...

Ратти не стал заканчивать предложение, и я сделал это за него:

– ...не доверяет мне.

Ратти вздохнул:

– Это все корпоративная пропаганда насчет опасных автостражей. Он тебя не знает. Не знает, какой ты на самом деле.

Это меня взбесило бы, если бы Ратти и впрямь в это не верил. Он никогда не видел вблизи, как я кого-то убиваю, и я предпочел бы, чтобы так и оставалось.

– И он не знает, почему так важно охранять Мензах на станции. – Он замахал руками, хотя я ничего не ответил. – Я понимаю, чем больше людей будут в курсе, тем больше шансов, что разнюхает пресса. Но что мы еще могли сделать?

После ухода Ратти явилась Оверс. Когда я велел двери от-

крыться, она просто сунула голову в щель.

– Не хотела тебе мешать, только собиралась поблагодарить. Арада впервые руководит экспедицией, и ты очень помог, практически спас положение и внушил ей уверенность в себе.

Я понятия не имел, как на это реагировать, поскольку не знал, в чем я ей помог. В мою задачу не входит заставлять людей подчиняться Араде, на «Сохранении» так не принято. А кроме того, у Арады и не возникало таких проблем. Конечно, иногда члены экспедиции ворчали, но все выполняли свою работу на приемлемом уровне. Вероятность мятежа была настолько низкой, что в оценочном модуле появились отрицательные величины. Пожалуй, слово «мятеж» вообще малоприменимо к ситуациям, которые могли возникнуть в этой экспедиции, большинство членов группы перед отлетом прошли полную сертификацию по безопасности. Такого рода экспедиции на «Сохранении» назывались научными исследованиями, и полученные данные выкладывались в открытую базу. Если планета находится в Корпоративном кольце, она должна быть открыта для эксплуатации, но никому не интересна.

– Арада заключила со мной контракт, – ответил я записью из архива.

– Да, и мы оба знаем, как ясно ты умеешь дать это понять, когда, по-твоему, кто-либо делает что-то не так. – Она улыбнулась в камеру наблюдающего за ней дрона. – У меня все.

Она ушла, и я еще пару раз проиграл запись разговора.

Я доверял суждениям Арады, но только до определенной степени. Они с Оверс относились к категории «нельзя бросать автостража на произвол судьбы и в одиночестве», а эта категория людей мне всегда нравилась больше всего. К тому же они мои клиенты, и этим все сказано. Как и Мензах, Ратти, Пин-Ли, Бхарадвадж и Волеску (который предпочел отойти от активной исследовательской работы, чем заслужил награду как самый разумный человек), и да, даже Гуратин. Просто клиенты. И если кто-нибудь или что-нибудь попытается им навредить, я выпущу этой твари кишки.

* * *

Когда мы прошли через червоточину в систему «Сохранения», я в очередной раз пересматривал «Расцвет и гибель лунного заповедника», все равно до прибытия на станцию я не успел бы начать ничего нового. Если придется прерваться, это не так раздражает, когда ты уже знаешь содержание. Я волновался о Мензах, все ли у нее хорошо в мое отсутствие. Я точно не знал, что конкретно подразумевается под этим «хорошо», но предпочитал заменить им слово «жива».

Я как раз закончил просмотр сто тридцать седьмой серии, как по сети и голосовой связи завершала корабельная тревога.

Это могло быть связано и с чем-то непредвиденным на

маршруте, к примеру, внезапно появился другой корабль. Мы находились на подлете к «Сохранению», а это довольно оживленный маршрут для некорпоративных кораблей без ботов-пилотов, и они шатаются туда-сюда, пытаясь разобрататься, где находятся – по крайней мере, именно так я интерпретировал постоянный поток жалоб из портовой администрации станции, к этому каналу у Мензах был доступ. Поскольку на нашей базе не было бота-пилота, я не мог напрямую получать системные оповещения, но подключился к голосовой связи, чтобы прослушать мостик. Вот запись:

Второй пилот Михаил: Он появился незнамо откуда! В коммутаторе ничего нет.

Техник Раджприт: Попытка стыковки. Активирую оружие.

Пилот Роа: Так, оповестите станцию и...

Опять Михаил: Понял, но рядом с нами нет передатчиков...

Дело дрянь. Я спрыгнул с койки, подключился к сети и отправил сообщение Араде:

«Доктор Арада, к нам приближается потенциально враждебный корабль. Неминуема попытка взять нас на абордаж».

«Потенциально... О нет!» – откликнулась Арада.

«Что, опять?» – вклинилась Оверс.

Я предоставил им заниматься другими поступающими запросами и открыл свой запароленный шкафчик. Вытащил ракетную установку, проверил, заряжена ли она, и пробудил

спящих дронов. Все разом активировали камеры, и несколько секунд мне пришлось разбираться с многочисленными запросами.

Прежде чем мы вошли в червоточину, я переоделся из экспедиционной формы в привычную одежду (рабочие ботинки, штаны со множеством карманов, где можно держать мелкие разведывательные дроны, в футболку и мягкую куртку с капюшоном, все в темных тонах), потому что не люблю логотипы, даже логотип исследовательской экспедиции «Сохранения», пусть это всего лишь вариант герба планеты, а не корпоративный знак. Служба безопасности станции выдала мне бронежилет, дающий кое-какую защиту от ножей, медленных реактивных снарядов, огня, едкого газа и низкоэнергетических импульсов. Я его не носил, потому что: а) он бесполезен для защиты от оружия, которое обычно против меня применяют; и б) на нем есть логотип. Знаю, знаю, мне нужно это перебороть.

Я все-таки заставил себя надеть жилет под куртку. Сейчас никакая защита лишней не будет.

Потенциально враждебный корабль приближался. Пилот Роа оповестил всех примерно о том же, что я уже сказал Араде. Как только я вышел из каюты, меня окружило облако дронов. Мне нужна была более точная информация, так что я послал одного вперед, и он прожужжал мимо, когда я двинулся по коридору. У меня был план, но в основном он заключался в том, чтобы не дать врагам попасть на корабль, а

это скорее не план, а надежда.

Все могло кончиться очень скверно.

Знаю, знаю, я же охранник и должен иметь наготове план на случай абордажа. Но я привык, что план обычно имеется у руководителя, то есть человека, и... Ну ладно, согласен, я просто не потрудился его составить, посчитав вероятность абордажа на пути туда и обратно настолько незначительной, что решил не тратить время и не отрываться от просмотра сериалов. Все силы я бросил на возможные атаки и сценарии защиты экспедиционного модуля на самой планете. Ни один не пригодился во время реального нападения, хотя я и испытывал искушение применить какой-нибудь из них. Похоже, из того инцидента я вынес неверный урок: заранее планировать бессмысленно.

В любом случае автостражи перевозились на кораблях Компании в качестве груза, в моем архиве даже не было документации по поводу действий на корабле. Единственное нападение одного корабля на другой, в котором я участвовал, было вирусным, и во время него я чуть не спалил свои мозги.

Кстати, о вирусах. Мои маячки в системе голосовой связи и в сети не сообщали ни о каких попытках врагов установить контакт. Возможно, они уже знали, что на нашем корабле нет бота-пилота, и его бесполезно атаковать вирусом.

Я поднялся через кают-компанию прямо на командную палубу. Дрон умчался вперед, к мостику. Когда дверь мо-

стика открылась, чтобы выпустить Раджприт, дрон проник внутрь. Теперь через его камеру я видел панель с показаниями сенсоров над пультом управления. Михаил сидел в кресле пилота и так вспотел, что светлые волосы облепили лоб. Роа расхаживал взад-вперед, нахмутив темные брови в раздумьях, а в руке сжимал сетевой интерфейс. Все прямо как в сценах из боевиков, перед тем как должно случиться нечто кошмарное.

А потом нечто кошмарное случилось.

Удар был совсем не таким, как изображают космические бои в сериалах. Я ощутил скорее скачок напряжения в сети. Гравитация изменилась, и я врезался в переборку, а освещение мигнуло. Из инженерного отсека хлынул поток автоматических предупреждений, а потом сеть и голосовая связь модуля отрубилась. Я попытался подключиться к сети корабля-базы, но тут гравитация снова скакнула, и наш корабль полностью переключился на резервную подачу энергии для систем жизнеобеспечения. Мои дроны рассеялись под влиянием скачка гравитации, но потом снова восстановили прежние позиции.

На мостике базы дроны наблюдали, как Роа и Михаил застыли, словно сцену поставили на паузу. А потом Роа сказал: – У нас попадание.

Михаил переключал экраны.

– В двигатель исследовательского модуля, – хрипло выговорил Михаил. – Ракета слежения. Видимо, ее запустили,

когда мы выходили из червоточины.

Вот дерьмо. Seriously. Вот дерьмо.

Органические части моего тела отреагировали так, что я подумал – хорошо хоть у меня нет пищеварительной системы. В следующие десять секунд мы не взорвались, а потому я оттолкнулся от переборки и пошел к командной палубе модуля.

Я вылез через люк в небольшое округлое помещение, где находились панели управления лабораториями и всем необходимым, когда модуль приземлялся на планету. В кресле пилота сидела Оверс, хотя сейчас управление осуществляла база. Ратти вжался в спинку кресла перед коммутатором связи. И Оверс, и Ратти выглядели совершенно обезумевшими. Учитывая вспыхивающие и мигающие экраны, вполне естественная реакция.

– Не могу связаться с Роа ни по голосовой связи, ни по сети, – сказал Ратти.

– Все упало, – доложила Оверс. – Арада... – начала она и поморщилась, вспомнив, что сети нет, а значит, никто вне отсека ее не услышит. – Да чтоб его!

Я велел дрону на мостике установить связь между интерфейсами Оверс и Арады и базой.

«База, устанавливаю временное соединение с интерфейсами на командной палубе», – сказал я по сети и одновременно с этим вслух.

«Автостраж? – отозвался Роа. – Арада меня слышит?»

«Она не... – начала Оверс, но тут из люка с другой стороны командной палубы высунулась Арада. На лице Оверс отразилось облегчение, она с силой прикусила губу и добавила: – Она здесь».

«Я тебя слышу, Роа, – сказала Арада быстро, но спокойно. Сжала плечо Оверс, а потом кивнула Ратти и мне. – Как вы считаете, атакующие собираются брать нас на бордаж?»

На слова «брать на бордаж» мои органические части снова отреагировали самым неприятным образом. Возможно, и Ратти почувствовал примерно то же самое, судя по его сдавленному вздоху.

Все было бы намного проще, если бы я так не волновался за этих болванов.

Голос Роа остался спокойным, но дрон на мостике видел выражение его лица.

«Похоже, они направляются к люку нижнего уровня, в лабораторию, – сказал он. – Я пошлю туда Раджприт».

Ратти и Оверс обменялись испуганными взглядами. Арада стиснула челюсти и ответила Роа:

«Поняла».

А потом посмотрела на меня.

– Автостраж, ты не мог бы...

– Уже приступаю, – ответил я.

Я пригнулся и выскочил в коридор, велел одному дрону остаться на командной палубе в качестве передатчика. Центральный отсек был прямо за углом, а над ним – гравитаци-

онный колодец доступа к базе. По протоколу безопасности включился воздушный заслон, который позволял проходить твердым объектам, таким как люди и автостражи, но блокировал поток воздуха, чтобы не произошла утечка атмосферы в случае пробойны.

Вниз вел другой гравитационный колодец с лестницей, которой пользовались во время пребывания на планете. Если бы не приходилось беспокоиться о флуктуациях энергии, я бы просто шагнул в него и пролетел к нижнему уровню модуля, но сейчас расшибся бы всмятку о переборки, так что пришлось воспользоваться лестницей.

В воздухе висел запах озона и дым, от которого не могли избавиться очистители, освещение мигало. Через дрона на командной палубе я видел Араду.

– Раз сеть и голосовая связь упали, – сказала она Ратти, – нужно пересчитать всех по головам и убедиться, что никто не пострадал от удара.

– Есть! Уже занимаюсь!

Ратти побежал через люк к жилому отсеку.

Спустившись, я помчался по центральному пандусу и оказался у люка, ведущего к лаборатории нижнего уровня. Здесь висел такой густой дым, что пришлось включить визуальные фильтры. Специалист Раджприт уже спустилась по гравитационному колодцу с базы. В руке она держала пистолет (в рубке хранилось оружие на случай необходимости), готовая защищать люк от абордажа.

Всегда приятно видеть, когда человек встречает тебя с радостью.

– Похоже, у нас мало времени, – сказала она довольно спокойно.

Я добавил ее к своей импровизированной сети через дрена, и она доложила:

«Роа, Арада, прием? Автостраж у шлюза».

«Текущее состояние?» – спросил я.

«Оверс частично восстановила голосовую связь», – ответила Арада.

Словно по ее сигналу, из коммутатора раздалось шипение шумов и голос Оверс:

– Всему экипажу модуля! Голосовая связь и сеть не отвечают, немедленно явитесь в кают-компанию и ждите дальнейших указаний.

«Автостраж, я должен сделать объявление, – сказал Роа. – Можешь меня переключить на коммутатор модуля?»

«Конечно, мне все равно больше нечем заняться. Говори».

– Приближающийся корабль выстрелил в нас и теперь пытается пришвартоваться к нижнему уровню исследовательского модуля, – сказал Роа. – Станция отправила вооруженный корабль, а три торговых судна, находящиеся на подходе к станции, тоже развернулись в нашу сторону, но будут здесь в лучшем случае через сорок восемь минут. Автостраж, ты можешь... – Он надолго задумался. – Можешь отражать по-

пытку абордажа до прибытия помощи?

Все люди на базе и в модуле наострили уши.

Это был непростой вопрос. Зависит от того, сколько налетчиков, насколько сильна их решимость и какое у них оружие. Сценарий может измениться в любую сторону, от «мы думали, что это легкая цель, но пора уносить ноги» до последнего отчаянного броска Раджприт с жалким пистолетом, прикрывающейся ошметками моего тела. Если они послали абордажную дополнительную группу в спецскафандрах в обход корпуса и появятся еще и через люк базы, а не только отсюда... Но об этом сейчас моим клиентам знать необязательно.

– Да, – ответил я.

Раджприт нервно сглотнула и приглушила свой сетевой канал. А вслух сказала:

– Просто скажи, что от меня требуется.

Уж непременно скажу, как только сам пойму. Если предположить худший вариант и заодно убрать ее с дороги, чтобы не пришлось думать еще и о спасении человека, пока я пытаюсь убить, покалечить или отпугнуть налетчиков, то ей лучше всего занять позицию у входа в гравитационный колодец. Это, по крайней мере, даст немного времени экипажу базы. Я уже собирался ей об этом сказать.

И тут палуба завибрировала от толчка, внезапное ускорение сшибло Раджприт с ног. Я ударился о переборку и проехался по коридору, а дроны рассыпались по сторонам. Осве-

щение снова моргнуло, а система жизнеобеспечения отключилась и снова включилась.

Плохо дело. Мой план (назовем его так) основывался на том, что я сумею удержать налетчиков, пока не приблизится вооруженный корабль со станции или рассерженные торговцы, ненавидящие пиратов. Но дрон на мостике показывал экраны сенсоров, и на них было видно, что враги захватили наш модуль лапами большого погрузчика, которым обычно устанавливают и снимают модули. Они намеревались прикрепить нас к своему корпусу и утащить обратно в червоточину. Судя по яростным ругательствам, Роа и Михаил тоже это поняли.

Я встал, подхватил Раджприт за мельтешащие в воздухе руки и поставил ее прямо. Голосовая связь снова включилась, на фоне помех завывала тревога. Ну спасибо, самое время.

Один из исследователей, Аджат, пошатываясь, вышел из коридора, ведущего к нижнему трюму и лабораториям модуля.

– Поднимайся на жилой уровень, быстро! – скомандовала Раджприт.

Аджат кивнул и пошел по коридору.

– В лабораториях три и четыре заклинило люки. Не знаю, есть ли там кто.

– Наверху всех пересчитывают, – ответила Раджприт, подталкивая его к выходу.

И тут мне пришла в голову одна мысль, хотя у нее был и недостаток.

«Роа, база может сбросить наш модуль?» – спросил я по сети.

База сама по себе была небольшим кораблем – мостик, двигатели и жилое пространство для пятерых членов экипажа. Все остальное предназначалось для захвата модуля.

«Он над этим работает, – уверенно ответил Михаил, хотя дыхание его было сбивчивым. – Проверяет вид с сенсоров – не мешает ли что-либо зажимам».

Значит, они уже над этим задумались. Приятно работать с умными людьми. Теперь осталось только спасти всем им жизнь.

Я сосредоточил внимание главным образом на люке в двух метрах впереди. Сканировал любые попытки его вскрыть, физические или по сети. А сам при этом старался проникнуть во вражескую сеть, но у нее был крепкий файрвол, я никак не мог его обойти.

«Можем отстыковаться сами, – сказала Арада по сети. – Из командного центра модуля, если вы передадите нам управление. Но нужно отправить остальную группу на базу».

«Я сейчас всех пересчитываю, – добавил Ратти, – но без сети и голосовой связи...»

«Зажимы свободны, можем отстыковать вас», – сообщил Роа.

«Роа, они могут нас просканировать? – спросила Арада. –

Если они поймут, что мы покинули модуль...»

«Это возможно», – ответил Роа.

Они наверняка это сделают. И прежде чем кто-либо успел вклиниться, я сказал:

«Они могут выстрелить в базу, как только отшвартуется модуль».

Это и есть тот самый недостаток, о котором я упоминал. Зависит от того, насколько враги торопятся пройти через червоточину с модулем до прибытия кораблей подмоги, обычные они гниды или редкостные гниды, хотят заполучить модуль или людей в модуле, боятся осложнений с «Сохранением» или им плевать.

Члены исследовательской группы, которые пытались говорить по временной сети, разом заткнулись.

«Да, это... – сказал Роа. – Доктор Арада, у нас мало времени, мы эвакуируем вас и отстыковываем модуль или...»

«Автостраж, ты согласен с тем, что нужно сбросить модуль?» – спросила Арада, по-прежнему спокойно.

Ах, ну да, я же возглавляю службу безопасности.

Если я (мы) с этим ошибусь, враг выстрелит в незащищенную базу, и мы все погибнем. Если мы останемся в модуле, есть шанс на спасение. Если враги не утащат нас через червоточину, не одолеют меня и не перебьют всех людей или устроят еще какой-нибудь кошмар.

В дешевом образовательном модуле, которым Компания снабжает автостражей, не упоминалось о подобных дилем-

мах, и мне никогда не приходилось принимать стратегических решений.

О-хо-хо, до чего же иногда отвратительно быть самостоятельным.

Я напомнил себе, что всегда хотел заставить людей прислушиваться к моим советам.

«Сбросить модуль», – сказал я.

«Мы отстыковываемся, – сказала Арада. – Ратти, подтверди, что все на месте, и отправь их на базу».

Она говорила спокойно и уверенно. Гораздо увереннее, чем Роа.

– Налетчики по-прежнему тянут нас в червоточину, – доложил по голосовой связи Михаил. Похоже, его голос вот-вот сорвется на крик.

В сети я услышал, как Ратти покрикивает на людей, чтобы пошевеливались, а дроны периодически присылали видео с бегущими к гравитационному колодцу членами экипажа.

Роа выдохнул.

– Управление модулем, приготовьтесь к отстыковке.

– Модуль будет запечатан через две минуты. Отсчет пошел, – объявила Оверс.

Дроны перехватили чей-то разговор, но я сосредоточился на Роа, Михаиле и Араде – все трое отдавали разные указания разным людям. Дрон с мостика показал экран сенсоров – там демонстрировались более четкие детали. Большая желеобразная штукавина – червоточина. Где-то на краю экра-

на – спешащие на помощь корабли. Враждебный корабль не отображался, потому что был слишком близко.

Палуба снова завибрировала, но эти ощущения были знакомыми. Раджприт округлившимися глазами смотрела на дисплей люка.

– Они пристыковались к нашему шлюзу, – прошептала она.

Шепот был вызван иррациональным желанием, но я вполне это понимал.

«У враждебного объекта аналогичная система шлюзов», – сказал я по сети.

«Ратти, подтверди, все ли на месте», – потребовала Оверс.

Мой дрон у гравитационного колодца засек двух отставших, Реми и Ханифу, они карабкались вверх по лестнице, а Ратти какого-то хрена полез вниз.

Я уже хотел с ним соединиться по сети, но уловил какой-то звук. Скрежет и вибрацию внешнего люка. Ясно, это случилось.

«Враги пытаются взломать люк, вторжение неминуемо», – сообщил я.

«Раджприт, автостраж, уходите оттуда», – приказал Роа.

«Иди, я за тобой», – сказал я Раджприт.

Раджприт попятилась к коридору. Если враг решит ворваться сейчас, прежде чем мы успеем задраить люки и отстыковаться, мы обречены.

Через дрон я услышал крик Ратти: «Нет! Нет!»

Его голос был хриплым от страха и ярости. Я сжался в готовности помчаться к нему, то должен был удерживать позицию. Там что-то случилось.

«Доктор Ратти, доложите обстановку», – сказал я.

Не считая Мензах, Ратти прислушивался ко мне внимательнее всех остальных. Возможно, это пошло с тех пор, как он хотел спрыгнуть из вертушки, чтобы забрать кое-какое оборудование, и чуть не попал в пасть гигантского хищника.

«Нет Амены и Канти, – сказал он одновременно сердито и испуганно. – Тиаго их ищет. Их не было в верхних лабораториях и в жилом отсеке, видимо, они где-то внизу».

Вот дерьмо!

Через дроны я видел люк доступа на базу, так что наблюдал за взрывом. Нет, не физическим взрывом, а взрывом эмоций. Люди вопили, размахивали руками и всячески бесполезно суетились.

В общем, я тоже не был на седьмом небе от счастья.

– Иди к гравитационному колодцу, – велел я Раджприт и побежал по коридору к лабораториям и хранилищу, где Аджат пытался втолковать Раджприт насчет заклинивших дверей.

Я приказал дрону остаться рядом с люком, чтобы предупредил, если начнется вторжение. Остальных дронов я разделил – две трети отправил к гравитационному колодцу, занять оборону вместе с Раджприт, а остальным приказал следовать за мной.

«Принято, – спокойно сказал я по сети. – Я их найду».
Вот дерьмо!

Я совершил дурацкую ошибку. Сеть в модуле лежала, подключиться к базе можно было только поблизости от моих дронов, а голосовая связь была обрывочной и ненадежной. И я, и люди слишком привыкли полагаться на сеть, с ней невозможно кого-то потерять или забыть. Когда сеть работает, даже если ты без сознания, интерфейс отследит местоположение.

«Мы ждем тебя, автостраж», – сказала Арада по сети.

«Возвращайся на базу, Арада», – ответил я.

Удивительно, как быстро организованный отход превратился в катастрофу. Дроны выстроились вокруг Раджприт, в тревоге застывшей у подножия гравитационного колодца. А наверху собрались экипаж базы и исследовательская группа, сжимая оружие, с которым не особо умели обращаться. Я надеялся, что они случайно не перестреляют друг друга. Через дрон я увидел Араду, Оверс, Ратти и Тиаго, будь он проклят, у выхода из модуля. Арада говорила по сети с Роа и пыталась затолкать сопротивляющуюся Оверс в гравитационный колодец. Я не знал, что им сказать, и начал с фразы: «Я не смогу выполнить задачу, если вы не будете меня слушаться, мать вашу», но тут помехи заглушили связь, и я потерял соединение со всеми дронами на базе.

Я добрался до люка в лабораторию номер три. Он был приоткрыт, всего на несколько сантиметров над палубой. Я

плюхнулся на пол и направил через щель сканер, но не заметил никаких признаков человеческих тел, живых или мертвых. Однако дрон засек приглушенный человеческий голос, идущий из коридора.

Я выпрямился и побежал направо, за угол – вероятно, именно этот люк видел Аджат. Потолок над люком повело, а панель с ручным замком пришла в негодность при скачке напряжения. Пластмассовые части расплавились, а люк был залит пеной от сработавшей автоматической системы пожаротушения. Вероятно, в этом месте системы модуля были отрезаны, а потому сообщение о повреждениях не достигло командной палубы. Я различил приглушенные голоса из заблокированного отсека, слишком слабые для человеческого уха.

Первым моим побуждением было взорвать люк. К счастью, потом я додумался просто взяться за ручку и дернуть. Люк не открылся, но я понял, что он не задраен. По крайней мере, некоторые замки открыты. А значит, кто-то уже пытался открыть люк вручную изнутри, но его заклинило. Я вскрыл панель управления и нашел покореженный металл, застопоривший механизм. Задрал рукав, установил излучатель в правой руке на самый низкий заряд и прожег замок. Он щелкнул и открылся.

Канти бросилась вперед, и я ее поймал.

– Он не открывался, – выдохнула она.

Она сжимала в окровавленных руках инструмент, кото-

рым обычно отбивают образцы каменистых пород. Внутри не было электричества, только в стенах светились аварийные фонари, повсюду разбросано оборудование и ящики с образцами. Амена находилась в глубине отсека, ее ногу зажал лабораторным столом, свалившимся, когда погнулась переборка. Амена была в сознании и пыталась выбраться.

Дрон у шлюза показал, что на люке загорелись огни предупреждения. Твою мать! Я вытолкал Канти в коридор и вырвал у нее инструмент.

– Быстро к гравитационному колодцу.

«Посылаю к тебе Канти», – сказал я Раджприт по остаткам сети.

Канти помедлила, озираясь вытаращенными глазами. Из пореза на ее лбу сочилась кровь.

– Беги, Канти! – крикнула Амена за моей спиной.

Канти сорвалась с места и помчалась по коридору, огибая искореженные стены. Я нырнул в отсек, к Амене. По ее лицу текли слезы, в носу хлопало, как бывает у очень расстроенных людей. Она вцепилась в стол.

– Вот, мы не смогли его поднять!

Я осторожно ощупал стол понизу – его стойка прижала ногу Амены. Крови не было, но, наверное, болело сильно. На металле остались отметины от инструмента Канти. Она уперла его в нужное место, но ей не хватило сил, чтобы поднять стол. Я установил инструмент обратно и подналег. Дроны встретили Канти в конце коридора и встали вокруг нее

защитным облаком, пока она проковыляла через вестибюль к гравитационному колодцу.

Распорка стола погнулась, Амена попыталась выбраться и вскрикнула от боли.

– Не торопись, – сказал я, сумев произнести это так, будто у нас полно времени.

А его как раз не было. Дрон у шлюза засек всплеск энергии – кто-то пытался вскрыть замок.

Раджприт схватила Канти и поднималась с ней по гравитационному колодцу в окружении облака дронов. Амена снова заворочалась, скривилась, а потом схватила меня за руку и прошептала:

– Просто дерни сильнее.

Я взял ее за руку и потянул, и она выскользнула из-под стола. Я встал и взял ее одной рукой. Контакт с Раджприт я потерял, но дроны подтвердили, что она больше не в гравитационном колодце.

– Держись, – сказал я Амене.

И помчался по коридору.

Я не мог двигаться на предельной скорости – повсюду валялось слишком много обломков, а коридор был узким и изогнутым.

Я был уже почти в конце коридора, когда люк с громким хлопком взорвался. Коридор наполнился запахами озона и расплавленного металла. Для принятия решения осталась доля миллисекунды – бежать дальше через вестибюль,

мимо взломанного люка и вверх по гравитационному колодцу на базовый корабль, чтобы задраить люки и отстыковать модуль, прежде чем в него ворвутся враги?

Хм, почему бы не попробовать?

А потом соединение с дроном у люка оборвалось в резком всплеске энергии. Я молча сделал шаг назад, потом еще один, мягко и медленно. И быстро проанализировал последние данные с дрона.

«Люк взломан, враги на борту, сбрасывайте модуль», – передал я по сети.

Я не получил подтверждения и не мог понять, дошло ли до них сообщение.

Амена молчала, прижавшись ко мне, ее сердце бешено колотилось. Я вернулся за поворот коридора и зашел в первый попавшийся открытый люк. Поставил Амену и одними губами произнес:

– Ни звука.

Она кивнула, схватилась за поручень люка, чтобы держаться прямо, и посмотрела на меня широко открытыми глазами. Я предпочел бы смотреть на нее с помощью дронов, но это успокаивало только меня, а не ее. Если я хочу вытащить ее отсюда живой, важно, чтобы она была спокойной и собранной. Я придал лицу ободряющее (как я считал) выражение, а потом сменил его на сосредоточенное и уставился в переборку. Анализ изображения завершился, и я его просмотрел. Дрон уловил тень сенсора или чего-то в этом роде,

излучающего энергию и парящего примерно в двух метрах над палубой. Я включил интерфейс Амены в свою импровизированную сеть и сказал:

«Задрайвай люки, Арада, немедленно. У них есть дроны».

Амена задержала дыхание и прикусила губу, но промолчала.

Я по-прежнему не получил подтверждения. Я не знал, слышат они меня или нет, отстыковались они или нет, и что вообще творится там, наверху. Сейчас мы уже рядом с червоточиной.

Звучит так, будто я был спокоен, но я понятия не имел, что делать дальше.

Где-то в районе затылка я почувствовал назойливое жужжание сетевых помех, а потом раздался голос Оверс:

«Автостраж, ты меня слышишь? Мы отстыковали модуль от корабля и находимся в спасательном челноке, готовы к вылету. Можешь добраться до скафандров во вспомогательном нижнем шлюзе? Корабль подцепит тебя аттрактором».

Я чуть не сказал: «Какого хрена вы в челноке, а не на базе?» – но сдержался. Амена смотрела на меня со страхом и злостью, что совершенно не придавало бодрости. Скафандр... А идея неплоха.

«Понял, идем за скафандрами», – ответил я.

Если она и услышала меня, я об этом не узнал.

Я протянул руку, и Амена схватилась за мою куртку. Я подхватил ее и послал половину дронов вперед, на разведку.

Пока что никаких признаков врагов.

Я вошел в коридор и побежал из главного вестибюля к инженерному отсеку. Этот коридор выглядел еще хуже лабораторного. Только аварийное освещение, вся палуба искорежена.

К счастью, идти было недалеко, прямо через отсек. Я засек стук и скрежет – возможно, дроны налетчиков пытались проникнуть через какой-нибудь люк.

Мы добрались до внешнего люка инженерного отсека, огни аварийных маркеров указывали на шкафчик со скафандрами.

Они были не той модели, которой я раньше пользовался, более дорогие – достаточно просто шагнуть в скафандр, и он сам наденется. Я поставил Амену на пол, она быстро связала волосы и на одной ноге запрыгнула в скафандр. Я приказал дронам сесть на меня и перейти в спящий режим, и пока Амена пристегивала шлем, уже надел скафандр. Палуба завибрировала. Взлетел челнок? Моим органическим частям это не понравилось. Если это челнок, они прождали слишком долго. Человеческие действия часто кажутся мне слишком медленными из-за моей процессинговой скорости, но сейчас был явно не тот случай.

У скафандров имелось безопасное сетевое соединение, а потому я убедился, что скафандр Амены функционирует и запечатан, и перехватил управление им.

«Не пользуйся голосовой связью, – сказал я ей по безопас-

ному выделенному каналу. – Они могут сканировать пространство, а мне легче спрятать сеть, чем голосовую связь».

«Поняла».

Ее голос по сети звучал нервно, но без паники. Скафандр поддерживал поврежденную ногу, и Амена могла стоять прямо.

«Я готова», – сказала она.

Я велел ее скафандру следовать за мной и открыл шлюз.

4

До того как я взломал модуль контроля, я никогда не передвигался в открытом космосе в скафандре.

Одна из причин – в контракте всегда была прописана определенная дистанция от клиентов. Так что, если автостраж удалится от них, скажем, больше чем на сотню метров, система жилмодуля с помощью модуля контроля поджарит ему мозги и нервную систему. Это не значит, что клиент не мог отдать приказ, вынуждающий нарушить ограничения, просто в таком случае ему пришлось бы выплатить Компании неустойку за уничтожение ее собственности.

Но у скафандров, которыми мне с тех пор доводилось пользоваться, имелись отличные инструкции, почти как ботпилот. И этот не был исключением и к тому же был новым, от него не пахло грязными носками.

Кстати, вероятно, мне следовало упомянуть, что человеческое тело на 99,9 процента просто отвратительно. И даже собственные человеческие части тела меня совершенно не вдохновляют.

Я вышел из шлюза первым, потащив Амену за собой вдоль корпуса модуля. Мое первое впечатление о космосе – он ужасно скучен, никаких тебе прекрасных планет, станций или еще каких-нибудь радующих глаз красот. Но здесь космос не был скучным, хоть и без планет.

У скафандра имелись сканеры и визуальные устройства, но они были без надобности, чтобы рассмотреть болтающуюся снизу штуковину. Я называю это направление низом, потому что туда в тот момент были направлены мои ноги. Наша база, медленно от нас удаляющаяся. Враждебный корабль нависал сверху, вцепившись в модуль – большое и грозное пятно на сканере скафандра.

Я подключился к сети базы, и теперь, когда не мешали помехи из угасающей сети модуля, меня слышали.

«Видим вас на дисплее, – поспешно ответил Роа. – Посылаю координаты, Михаил притянет вас аттрактором».

Я загрузил вероятный маршрут и спросил:

«А где Оверс? Она сообщила, что находится в спасательном челноке вместе с другими членами экспедиции».

«Понял, устанавливаем с ними связь», – ответил Роа.

Устанавливают связь? Если челнок взлетел, он уже должен быть на базе. Но я ничего не мог с этим поделать, прежде всего нужно доставить на базу Амену.

«Что это значит? – спросила Амена. – С Оверс и остальными все в порядке?»

Я уже собирался запустить в скафандрах систему маневрирования, но тут сканер уловил всплеск энергии. Визуальная система скафандра отрубилась, а щиток шлема потемнел, защищая глаза от вспышки. Мне-то без надобности, но скафандр об этом не знал.

Амена испуганно вскрикнула. Сетевое соединение пре-

рвалось из-за помех, а потом я услышал Михаила:

«Мимо. Повторяю, налетчик выстрелил и промахнулся...»

«А они целились не по челноку?» – тоненьким голоском вмешалась Раджприт.

Остальное потонуло в помехах. Я велел скафандру очистить щиток и развернулся, чтобы посмотреть на вражеский корабль. Не знаю зачем – ведь в скафандре не было вооружения. Просто хотел убедиться, что корабль – не иллюзия на сенсорах. Почти такое же дурацкое побуждение, как и многие человеческие поступки.

Я увидел большой темный корпус, отражающий свет от далекой планеты «Сохранения». Из него по-прежнему не исходило никаких сигналов – ни сети, ни голосовых, ни маячков, просто темный инертный объект. Темный инертный объект, утягивающий нас в червоточину. Визуальная система скафандра включилась и добавила сенсорные данные, позволившие сделать более точную оценку вражеского корабля и частично построить его схему. И что странно, конструкция выглядела в точности как...

Скафандр обнаружил выбитый на корпусе корабля регистрационный номер и отправил его мне. И я его узнал. Даже в архиве искать не пришлось. Я видел его в расписании полетов на нужную мне станцию из Порты Свободной торговли.

Это же...

«Это же ГИК», – чуть не выпалил я, как полный кретин.

Это было настолько странно и так меня потрясло, что даже уровень моей производительности упал, а в органических частях прекратилось кровообращение. И странно не в том смысле, что раздражающе нарушало все правила, а странно в смысле жутковато, как в сериале «Дороги к далеким звездам», где рассказывалось о станции, населенной призраками, и перемещениях во времени.

Так странно, как будто у меня опять отказала память, смешав архивные данные с текущими.

И эта мысль привела меня в ужас.

«Что это?» – спросила Амена, а потом корабль... вражеский корабль... ГИК снова выстрелил.

В этот раз скафандр засек проскочившую мимо сканера искру. Она уходила все дальше и дальше, так далеко, что я уже подумал, не нацелен ли выстрел в спешащий на помощь корабль со станции, но он был слишком далеко, никакого смысла. Я собрал все данные по первому выстрелу, собранные скафандром, и увидел, что и тот ушел куда-то вдаль.

«Снова промазал! Никаких повреждений», – сказал Роа.

«Выстрел направлен совсем в сторону, – добавил Михаил. – Даже не знаю... Может, предупреждение?»

А может, моя память все же не отказала.

«База, вы готовы нас подобрать?» – спросил я.

«Михаил, ты... – сказал Роа. – Да, да, автостраж, давай, мы готовы!»

Избранная Михаилом траектория по-прежнему годилась,

просто чуть дольше лететь. Велев скафандру Амены следовать за мной, я оттолкнулся от корпуса модуля.

Через двадцать секунд что-то схватило скафандр и потянуло. Совсем мягко, и катастрофой это не выглядело, если бы на скафандре не включилась тревога, а Михаил не начал яростно материться.

Корабль, он же враждебный объект, он же ГИК, захватил нас аттрактором и притягивал к себе. Я смотрел в другую сторону, но увидел это через сенсор скафандра. Нас притягивало к большому шлюзу на корме, и я ничего не мог с этим поделать. Лабораторный модуль ГИКа находился на месте, а значит, ГИК не перевозит груз, а служит исследовательским судном.

«Они захватили модуль, зачем им мы?» – спросила Амена тонким нервным голосом.

«Не знаю».

Я ничего не понимал.

Аттрактор притянул нас к большому шлюзу, и Роа по сети завопил:

«Он ускоряется к червоточине! Мы теряем...»

И тут люк захлопнулся, связь с базой прервалась. Я попытался подключиться заново, но наткнулся на стену, крепкую, как... Не знаю, как что, но очень крепкую.

В этом шлюзе я прежде не бывал, но корабль выглядел все таким же чистым и ухоженным, как я помнил. Если я еще могу доверять своей памяти. Если все это происходит

на самом деле.

Мне ну очень надо провести диагностику, только сейчас на это нет времени.

Началось шлюзование, с шипением ворвался воздух, и открылся внутренний люк. Он совершенно точно выглядел реальным, а сканер скафандра подтвердил все, что я вижу. Только ни сети, ни голосовой связи.

Широкий коридор за шлюзом был пуст, освещение горело в половину мощности, синие полосы на переборках служили исключительно для декоративных целей. В прозрачном шкафчике, встроенном в переборку, висел ряд пустых скафандров, находящихся в спящем режиме.

В коридоре было тихо и пусто – по результатам сканирования и аудиовизуального наблюдения. Для нас освещение сделалось ярче, обычно так происходит по требованию людей. Скафандр показал, что для людей и дополненных людей атмосфера в норме. Когда ГИК летал в качестве транспортного судна, он поддерживал уровень жизнеобеспечения на минимуме, хотя для меня слегка поднял.

В шлюзе нас слишком легко можно было убить, и потому я шагнул через люк в коридор, потянув за собой и скафандр Амены. Я не хотел предоставлять кому-либо возможность нас разлучить. Шлюз за нашими спинами закрылся.

– Где экипаж? – спросила Амена по голосовой связи скафандра. – Зачем нас захватили? Чего от нас хотят? – А потом добавила совсем тоненьким голоском: – Поговори со мной,

прошу тебя.

Даже если я поврежден и у меня галлюцинации, со мной клиент. Если это повреждение памяти, нужно сказать Амене. Лучше бы, конечно, на ее месте оказалась Мензах или тот человек, которому я доверяю, который помог бы мне. Даже Гурагин был бы лучше в таких обстоятельствах. Если я признаюсь ей, что, судя по некоторым данным, у меня критический сбой памяти, она ни за что не будет мне доверять, а она должна мне доверять, чтобы я мог вытащить ее отсюда живой. Но как она может мне доверять, если я даже не могу определить наверняка, реально ли то, что я вижу?

А если это и правда ГИК, то где же он?

Я послал запрос. Такое впечатление, что он раскатился эхом по пустой сети, словно в ней отсутствует нечто гигантское, обязанное там находиться, будто вместо сердца корабля дыра.

Амена начала паниковать и тяжело дышала, мне нужно было что-то ей сказать. И слова вышли очень похожими на правду:

– Мне кажется, я узнаю корабль, но его не должно здесь быть.

Когда я произнес это вслух, стало меньше похоже на сбой в памяти, а больше на реальность.

Амена засопела:

– А что... Что это за корабль?

И тут мне пришла в голову гениальная мысль, жаль, что

так поздно.

– А что написано на тех скафандрах?

Мензах и большинство других сразу догадались бы: что-то не так. Я никогда не запрашиваю информацию у клиентов, если могу узнать ее сам. По многим причинам, но главным образом из-за присущего людям самоубийственно-го невнимания к деталям. Амена шагнула ближе к прозрачному шкафчику. В нем виднелось два ряда скафандров, один над другим – если один скафандр вынимали, его место занимал другой. Нашивки на скафандрах передавали в сеть сообщение на нескольких языках, которые читались интерфейсами наших скафандров, хотя сеть ГИКа и была недоступна, в точности так работают маркеры краской.

– Перигелий. Пансистемный университет Михиры и Нью-Тайдленда, – прочла Амена.

Это порт приписки и владелец ГИКа. Ну ладно. Хорошая новость: у меня нет сбоя памяти, это и правда ГИК. Плохая новость: какого хрена?

Я снова послал запрос.

Амена опять повернулась ко мне:

– Наверное, это украденный исследовательский корабль. – Ее голос звучал тверже, без панического придыхания. – Видимо, его захватили пираты и установили на нем оружие.

– Он и раньше был вооружен.

Это же мой друг, думал я. Он помог мне, потому что сам того хотел. Но этого я сказать не мог. Я никому не рассказы-

вал про ГИКа.

– Это корабль для исследования дальнего космоса и обучения, с полной командой и дополнительным местом для пассажиров. В перерывах между экспедициями он служит грузовым кораблем под управлением бота, но «Сохранения» не было в его маршруте.

– Для исследования дальнего космоса и обучения, – повторила Амена. – Если у пиратов есть такой огромный вооруженный корабль, зачем им мы? Может, они решили, что у нас на борту есть что-то ценное? Или просто атакуют первые попавшиеся исследовательские корабли? Ненавидят ученых?

Она говорила с сарказмом, но я знавал пиратов, которые совершали нападения и по более дурацким причинам. Однако это не галлюцинация и не сбой памяти, а, значит, статистически маловероятное совпадение, что совершенно... статистически маловероятно.

– Погоди, так ты знаком с этим кораблем? – спросила она с оттенком подозрительности. До нее тоже дошло, насколько статистически маловероятно такое совпадение. – Ты что-то им сделал? Они погнались за тобой?

– Конечно, нет.

Это была полная ложь, потому что ГИК прилетел сюда из-за меня, хотя это озадачивало не меньше. Вряд ли сюда прилетела команда ГИКа, чтобы отомстить беглому автостражу... Погодите-ка, а почему отомстить? Я не сделал ГИКу

ничего плохого и не повредил ничего на борту, разве что израсходовал немного энергии и ресурсов, но ГИК стер это из своих логов.

Странно из-за этого присылать вооруженный корабль. В смысле они могли бы просто прислать доктору Мензах счет.

Разве что кто-то проник на борт после того, как я покинул ГИК, и что-то с ним сделал, а обвинили меня.

В этом сценарии имелся один большой дефект. А нет, стойте, два: 1) пришлось пробраться на борт без помощи ГИКа и 2) сделать что-то ГИКу и при этом не быть жестоко убитым. Я знал сорок семь способов, которыми ГИК мог прикончить человека, дополненного человека или бота, наверняка были и другие, мне просто надоело считать.

И где сам ГИК, в конце концов? Где его сеть, дроны, голосовая связь, его люди? Почему он не отвечает на мои запросы?

Я не забыл, что у меня под ребром зашит коммутатор ГИКа. Ладно, забыл, но вспомнил три минуты и сорок семь секунд назад, просто до сих пор мне эти сведения были без надобности. С тех пор как я покинул ГИК на транзитном кольце Рави-Хирала, коммутатор был дезактивирован. Если ГИК захотел бы со мной связаться, он воспользовался бы им, оказавшись в диапазоне действия. Но это если ГИК до сих сам себя контролирует. Неужели корабль контролирует кто-то другой – бот, человек или дополненный человек?

Я запаниковал. Мне не хотелось повредить ГИКа, но

нечто, повредившее ГИКа, могло уничтожить нас с Аменой.

Час от часу не легче. Начнем лучше с предположения, что ГИК по-прежнему здесь, цел и невредим, просто его заставили это сделать, хотя у меня не было времени размышлять на тему кто и зачем.

Мог ли ГИК воспользоваться деактивированным коммутатором, чтобы выследить меня, после того как наш корабль прошел через червоточину? Не исключено. Но зачем? Зачем он прилетел за мной на «Сохранение»? ГИК очень любит свою команду. И сделал бы что угодно, чтобы прийти ей на помощь.

Даже предав меня? Или что-то вынудило ГИКа так поступить? Ему понадобился наш модуль или это был сопутствующий ущерб? Притянув меня и Амену аттрактором, он ускорился к червоточине. Сейчас мы должны уже находиться в ней и удаляться от «Сохранения». Посланные на помощь корабли потеряли наш след.

Но это, по крайней мере, означало, что база подобрала челнок с Оверс и остальными.

Нужно было избавиться от скафандра. При гравитации он затруднял передвижения, и его можно взломать, если я отвлекусь, к тому же я не знал, защитит ли скафандр Амену от реактивных снарядов или другого оружия. Конечно, идти внутрь корабля – не лучшая идея, но свобода передвижения важнее.

Я велел скафандру открыть шлем и выпустил дроны. Двум

я приказал встать в караул у входа в коридор, а другие отправил аккуратно прочесать корабль... то есть ГИК. Потом расстегнул скафандр и вышел из него.

– Думаешь, это разумно? – спросила Амена.

Чего мне сейчас точно не надо, так это чтобы какой-то подросток подвергал сомнению мои действия.

– У тебя есть другие предложения?

– Наверное, мы не можем вечно ходить в этих штуковинах, – пробормотала она и расстегнула скафандр.

Я подождал, пока она выберется из скафандра. Она немного дрожала, вспотела и потирала поврежденную ногу. Нужно добраться до медотсека. Что бы здесь ни происходило, будет проще с этим разобраться, подлечив Амену.

Я двинулся по коридору, жестом велел Амене держаться за мной. Сканер по-прежнему ничего не показывал, кроме фоновых шумов. Дроны смотрели на пустые коридоры и закрытые люки. Я направил их к командной палубе и к кают-компаниям под мостиком. Кто-то же должен там быть, бот, человек или дополненный человек. Теперь я отправил запрос через коммутатор.

Голосовая система загудела, выдав автоматический ответ. Амена вздрогнула от этого звука.

– Это сделал я, – прошептал я.

– Зачем? – Она умудрялась шептать требовательным тоном. А потом раздраженно поморщилась. – Ладно. Надо думать, они знают, что мы здесь, раз уж нас похитили.

Пока что дроны не обнаружили экипаж. Никто не ответил и по голосовой связи. Я двинулся к коридору, не зная толком, что предпринять. Может, подняться на мостик и треснуть по главному процессору?

По этому коридору я ходил много раз туда и обратно, работая над кодом, который делал меня похожим на человека, а ГИК не переставал меня критиковать. Возможно, именно поэтому я потерял осторожность. А еще потому, что всего несколько секунд назад здесь пролетали дроны. И когда я шагнул в коридор, то боковым зрением заметил какое-то движение.

Вот зачем нужны дроны. К несчастью, что бы это ни было, дрон его не увидел. И я не увидел, пока оно не пошевелилось, а тогда было уже слишком поздно.

Удар пришелся в висок, и я всем телом шмякнулся о переборку.

Критическое снижение уровня производительности.

Выключение.

Перезагрузка.

Я лежал на куче мусора, и острый осколок впивался мне в щеку. Я понял, что пережил аварийное отключение. Я постоянно скучаю по своей броне, но особенно в такие моменты.

Мне необходимы органические части внутри головы, но они гораздо лучше сопротивляются ударам, находясь в броне, а не в человеческом черепе. Если стукнуть автостража со всей силы, это может привести к быстрому и резкому паде-

нию производительности и вызовет временное отключение. Замечу – временное. Но скажу честно – это плохая идея. Если вы хотите сохранить свои внутренние органы в целости и не желаете, чтобы вас размазали по стенкам вашего краденного корабля.

Ага, наконец-то я включился.

Мои дроны находились в спящем режиме, а мои системы еще не подключились, чтобы их пробудить. Вернулась аудиосвязь, и я различил идущий из коридора звук. Голос Амены, слишком тихий, чтобы разобрать слова. Я проверил соединение с сетью дронов – она по-прежнему работала в пассивном режиме.

– Вы совершили большую ошибку, – твердо сказала Амена с явно фальшивой бравадой. – Через несколько минут здесь будут вооруженные корабли. Они будут здесь...

– Ох, деточка, мы уже в транзитном переходе. Никто в жизни тебя не найдет.

Голос (Неизвестный № 1) был легкомысленным и игривым и отдавался эхом в устаревшей системе звукопередачи.

– А теперь расскажи нам про оружие.

Бравада Амены превратилась в подлинную ярость:

– На исследовательском модуле не было оружия! А если бы было, вас бы разнесли в клочья.

На заметку людям и дополненным людям – никто не любит, когда с ними говорят свысока.

– Лучше бы у вас оказалось оружие, о котором нам гово-

рили, а не то я вырву тебе ребра одно за другим и сломаю их перед твоим милым личиком.

Теперь голос Неизвестного № 1 звучал еще веселее.

Я сохранил разговор на будущее. Неизвестный № 1, похоже, неплохо потрудился над формулировками угрозы, будет жаль, если он никогда не испытает это на своей шкуре.

– Ненавижу ложь, – произнес Неизвестный № 2. Голос был почти таким же, как у Неизвестного № 1, только чуть ниже.

– Я не лгу, – ответила Амена. – Я не знаю, о чем вы говорите.

Тень ее страха прорвалась наружу. Думаю, она начала понимать, что говорит не с разумными людьми, открытыми для убеждения рациональными аргументами.

– Ты лжешь, эта штуковина лжет, все лгут, – сказал Неизвестный № 1. – Нам лучше знать.

– С этим я ничего не могу поделать, – выпалила Амена звенящим от напряжения голосом.

Уровень производительности рос, и начинали функционировать остальные части тела. Из-за временного отключения органические части подавили большую часть токсинов стресса, и я чувствовал себя намного лучше. Сканирование показало, что осколки под щекой – это фрагменты устройства, покрытые стелс-материалом. Меня сшиб дрон, возможно, того же типа, который я заметил в модуле до эвакуации. Он ударил меня с такой силой, что сам разлетелся на куски. Ни у одного дрона ГИКа, по крайней мере из тех, которые

он позволил мне увидеть, не было стелс-оболочки. Пожалуй, принудительная перезагрузка даже принесла мне пользу, потому что я был полным идиотом, не подумав об этом раньше. Если дроны каким-то образом получают приказы, то должна быть и активная сеть внутри ГИКа, просто не на стандартном канале. Как только включились ноги и руки, я медленно поднялся и откорректировал указания дронам – теперь они сканировали весь диапазон.

Моя ракетная установка валялась рядом, и от нее остались одни обломки, как будто кто-то специально постарался. Сохраненная схема помещений ГИКа пришлась кстати, когда я определял направление, откуда доносился голос Амены. Дальше по вот тому изогнутому коридору, из кают-компании. Я двигался бесшумно.

Добравшись до первого поворота, я обнаружил канал управления их дронами. Он был зашифрован, как армейская сеть. Умно. Вот только шифрование было древним даже в терминах людей, не только ботов. Последний апдейт программы взлома ключей, который я получил от своей бывшей компании, устарел больше чем на восемь тысяч семьсот часов, но он взломал этот код как орешек.

Сеть была почти пуста, я не обнаружил никаких голосов, только команды для дронов. Если их шифрование устарело, то и код дронов наверняка тоже. Я нашел старый список паролей к дронам и начал их перебирать. Когда я восстановил связь, мои дроны по-прежнему находились в режиме ожида-

ния, но сейчас были почти бесполезны, поскольку не могли заметить стелс-дроны врага.

Дверь в кают-компанию, откуда доносился голос Амены, была открыта, яркий свет падал в полуосвещенный коридор. Я хотел дождаться, пока уровень производительности вернется к девяноста процентам, но тут услышал голос Амены: – У нас нет оружия, вы захватили не то судно.

Страх в ее голосе был так очевиден, что я ворвался в отсек.

Пометка: надо пропатчить модуль контроля импульсивного поведения.

Отсек был большим, с мягкими диванами у переборок, несколькими низкими столиками, убирающимися в палубу, и многочисленными парящими над ними экранами, сейчас выключенными. В отсеке находился один клиент, Амена. Она прислонилась к стене в дальнем углу, была растрепана, глаза широко открыты, но никаких видимых повреждений. Две потенциальные цели и две потенциальные жертвы у дальней стены, рядом с Аменой. Обе Потенциальные жертвы в синяках и ссадинах, с испуганными или удивленными лицами. Потенциальные жертвы носили красно-коричневую форму с логотипом корпорации, потрепанную и порванную. Еще одна аномалия, поскольку экипаж ГИКа носил темно-синюю.

Две Цели стояли лицом к Амене и Жертвам, вероятно, дополненным людям, хотя сканирование ничего не показало.

Обе Цели повернулись ко мне. Они были похожи на высоких дополненных людей, только с тускло-серой кожей. Из-за ранения или болезни? Или это какая-то необычная косметическая модификация? Оба были в облегающих защитных костюмах и шлемах, оставляющих открытым на удивление большую часть лица (удивляться тут можно только глупости). Узкие человеческие черты, на гладкой серой коже выделялись темные брови. Оба улыбались бесцветными губами.

Один с укоризной обратился к другому (Неизвестный № 1, он же Цель № 1):

– Ты же сказал, что он труп.

Выглядели они на одно лицо. Только Цель № 1 чуть выше и шире в плечах.

– Эта штукавина точно мертва, – ответил Неизвестный № 2, то есть Цель № 2.

И засмеялся.

Штуковина? Я почувствовал, как в органических частях буквально взорвались капилляры.

За Целями висели три дрона, в моем архиве не нашлось описания подобных моделей. Круглые, размером с мою голову, а объективы камер и оружие скрыты, несмотря на размеры. Мои сканеры полноценно не видели дроны из-за стелс-покрытия, но органические части мозга и глаза – видели. И от этого возникло неприятное ощущение раздвоенного изображения. Сканеры уверяли, что там парит какая-то ано-

малия, не появляющаяся в камере, но глаза отправляли в хранилище временной памяти четкое изображение, подтвержденное нервной тканью.

Я знал, что вражеские дроны довольно проворны, но выглядели они слишком громоздкими. Нужно получить больше данных, прежде чем что-либо предпринимать.

– Что вы сделали с ГИКом? – спросил я.

Эти данные мне были не нужны, но я очень хотел узнать. Цель № 1 оценивающе вскинул голову и обнажил острые зубы. Вероятно, еще одна косметическая модификация или генетическая вариация.

– Что ты там бормочешь, штуковина? – сказал Цель № 1.

– Похоже, эти штуки не умеют контролировать собственную речь, – сказал Цель № 2 почти тем же тоном.

Амена наблюдала за мной с широко открытыми глазами, прижав руки к губам. Сидящие за ее спиной Жертвы № 1 и № 2 уставились на меня в замешательстве.

– С этим кораблем, – уточнил я. – Что вы сделали с ботом-пилотом?

ГИК был не просто ботом, но я не знал, как это выразить в двух словах.

Цель № 2 вздохнул и скрестил руки на груди, как будто я задал глупый вопрос. Цель № 1 зловеще ухмыльнулся. Он явно не знал, кто я такой, а может, даже не знал, кто такой ГИК, но понял, что мне не все равно, и потому ответил с явным наслаждением:

– Стерли его, естественно.

Я почувствовал, как изменился в лице. Мышцы напряглись, и не от удара. Мне пока плохо удается контролировать выражение лица, и я понятия не имел, как оно выглядело.

– Ох, черт, – выдохнула Амена из-под ладони.

– Похоже, эта штукавина разозлилась, – заявил Цель № 1.

– Вот скукота, – произнес Цель № 2. – Сначала злость, потом страх, а затем труп. Ску-у-учно.

– Теперь вы принадлежите нам, – сказал Цель № 1. – Вы все. Вот что теперь будет. Вы скажете...

Я схватил Цель № 1 за рожу. Не лучшее стратегическое решение, но самый быстрый способ заткнуть ему рот. Используя его голову как рукоятку, я наклонил Цель № 1 и швырнул на диван у переборки.

На мою голову тут же нацелился вражеский дрон № 1. Он действовал быстро, но на сей раз я был готов. Я отклонился в сторону, он развернулся и снова полетел ко мне, и тогда я врезал по нему кулаком. Он шлепнулся о люк, и я стряхнул осколки с ладони.

Цель № 2 смотрел в сторону двух оставшихся вражеских дронов, явно не понимая, почему они не двигаются.

Преимущество конструктора заключается в том, что в фоновом режиме я могу продолжать искать пароли для дронов даже во время критического эмоционального срыва. Ровно в ту секунду, когда Цель № 1 назвал меня скучным, я нашел подходящий и отправил дрону запрос. Какая ирония! Я ве-

лел дрону отключить подачу энергии, и он с громким стуком упал на палубу.

На сером лице Цели № 2 отразилось изумление, а потом злость. Это было забавно. Если бы я был человеком (ой!), то даже засмеялся бы. Но я все же решил вернуться к первоначальному намерению и выбить дурь из этих говнюков.

– Злость, потом страх, затем труп. Таков порядок? – спросил я.

– О боги, это же... – прошептала Жертва № 1.

Свалившийся на диван Цель № 1 замахал руками и, очевидно, потянулся к оружию, прикрепленному к броне у бедра. Я бросился на него и схватил за запястье, прежде чем он добрался до оружия. Но вышло не очень хорошо, потому что Цель № 1 хлопнул меня по плечу другой рукой, и я ощутил укол боли от излучателя.

Цель № 1 ухмыльнулся от уха до уха.

Снаряды из ракетной установки могут нанести мне ущерб, но излучатели просто раздражают. Я вывернул ему руку, а ту, из которой он стрелял, сломал. Неуклюжее оружие в форме трубки длиной сантиметров десять кляцнуло по палубе и укатилось.

Цель № 1 завопил от ярости и удивления, чем еще больше меня взбесил. Цель № 2 с совершенно неуместной самоуверенностью шагнул ко мне и приставил к моей груди еще один излучатель.

Я двинулся так быстро, что позже пришлось проиграть ви-

деозапись для анализа собственных действий. Я оттолкнул Цель № 1 и врезал локтем по морде Цели № 2. Вырвал из его руки излучатель вместе с несколькими пальцами, вонзил излучатель ему в грудь (оружие не было острым, но я поднажал) и проделал там огромную дыру. Потом с помощью оружия и дыры поднял Цель № 2 и шмякнул его об потолок. Трижды. Посыпались осколки и полились телесные жидкости.

Мне сразу полегчало. Наверное, стоит повторить как-нибудь.

Но это заняло слишком много времени, и Цель № 1 успел встать и рвануть к люку.

Я побежал за ним, но тут услышал призыв Амены:

– Автостраж, смотри!

Я оглянулся. Два оставшихся вражеских дрона лежали на палубе и мигали огнями – они снова заряжались. Я отправил команду отключить подачу энергии, но пароль больше не работал. Один дрон я затоптал, а второй схватил, когда он начал подниматься. Его я разбил о кресло, случайно зацепив и экран. Две Жертвы возбужденно кричали что-то Амене, мне пришлось заново проиграть аудиозапись, чтобы разобрать слова.

– Ты должна пойти с нами! – сказала Жертва № 1, схватив Амену за руку. – Мы сбежим и попытаемся спрятаться!

Хотя сеть ГИКа не работала, я сумел раздобыть кое-какие сведения из интерфейса Жертвы. Сетевое имя: Элетра.

Пол: женский. Удостоверение личности выдано корпорацией «Бариш-Эстранца».

Жертва № 2. Сетевое имя: Рас. Пол: мужской. Удостоверение личности тоже из корпорации «Бариш-Эстранца».

– Быстрее, – сказал он, – они пошлют другие дроны! – И покосился на меня. Знакомый взгляд. – С твоим автостражем у нас есть шанс.

– Мы должны пойти с ними, – сказала мне Амена.

Я уже послал спящим дронам команду перезагрузиться. Им нетрудно будет отследить Цель № 1 по кровавому следу и воплям. Скажем прямо, если вы не хотите, чтобы вас выпотрошили вашим же оружием, не стоит шататься по космосу, убивая исследовательские корабли и вступая в драку с автостражами.

– Сначала мне нужно кое-что закончить, – ответил я.

– У них слишком много дронов, – напирала Элетра, переводя взгляд с меня на Амену и обратно. Она точно не знала, кого следует убеждать. – Идемте с нами!

Амена шагнула ко мне, поморщившись, когда пришлось перенести вес на поврежденную ногу.

– Они говорят правду? Ты можешь узнать, не приближаются ли сюда дроны?

Цель № 1 выбежал через люк в кают-компанию под мостиком.

В той кают-компании я провел много времени в обществе ГИКа, мы смотрели «Первооткрывателей». Дроны передали

изображение еще одного враждебного объекта (Цель № 3), стоящего на лестнице, ведущей на командную палубу. Люк в кают-компанию начал закрываться. Восемь моих дронов успели поднырнуть под него.

Люди не ошиблись насчет вражеских дронов, которые больше не отзывались на мои команды. А значит, где-то есть чувствительная система контроля, быстро установившая обновления. Но доступ к сети Целей у меня сохранился, и, судя по зашифрованному трафику, вражеские дроны получили задание. Скорее всего стягиваются к нам, чтобы прикончить.

– Вероятно, да, – ответил я.

Амена нетерпеливо взмахнула руками.

– Тогда пошли!

Я пытался перерезать связь вражеских дронов с системой управления. Некоторых удалось сбить с толку, но другие по-прежнему подчинялись приказам. Очевидно, до каких-то частей системы мне не удалось добраться. Работать внутри нее – все равно что пытаться совладать с ракетной установкой, когда у тебя отстрелили половину пальцев. Все необходимые данные приходилось переводить в другой формат, все выглядело иначе, сплошная головная боль. Чтобы перехватить полный контроль, нужно начинать с самого начала – с поисков способов проникновения.

– Просто прикажи ему! – нетерпеливо сказал Рас.

– Он не подчиняется приказам, – огрызнулась Амена.

Мне хотелось бы сделать все незаметно и самостоятельно, но это было невозможно. Теперь на командной палубе собрались восемь дронов, а также Цель № 1 и Цель № 3. Тяжело дыша, Цель № 1 рухнул в мягкое кресло перед панелью управления, покалеченные руки безвольно обвисли. Цель № 3 шагнул к неработающему экрану и включил его жестом руки. Странно видеть, как человек (или кто там он) делает это вручную. Видимо, они еще не установили доступ к системам ГИКа через свою нестандартную сеть.

– Перережьте беглецов, как... – сказал Цель № 3 по общекорабельной связи.

На последних словах ретранслятор загудел, и я так и не узнал, как кого нас нужно резать. Одному дрону из восьми я велел наблюдать, а остальным раздал другие указания. Раз Цели в бронекостюмах и шлемах, нужно целиться в открытые лица.

Цель № 3 успел издать клокотание, а Цель № 1 захрипел. Семь дронов один за другим пропали с радаров. Дрон № 8 продолжал вести запись, посылая мне видео с беспомощно дергающимися телами, в конце концов распластавшимися в лужах на палубе.

– Но это же автостраж... – возмутился Рас.

Элетра прослушала объявление по голосовой связи до конца, на ее лице отразилось отчаяние:

– Нужно идти!

Амена прохромала еще пару шагов. Схватила меня за ру-

ку и подняла голову.

– Да послушай меня!

Я посмотрел на нее, специально заглянув в глаза, потому что сейчас почти все мое внимание было сосредоточено на ней, а человек, который дотронулся до меня чуть раньше, истекал кровью на палубе. Она была слишком поглощена собственными мыслями или слишком наглой или и то и другое и не понимала, что поступает неразумно.

– Мы должны идти с ними, – сказала она, выпятив подбородок. – Сейчас же.

Я аккуратно отлепил ее маленькую ладонь от своей куртки.

– Больше никогда ко мне не прикасайся, – сказал я.

Амена заморгала и поджала губы, а потом повернулась к Элетре и Расу:

– Пошли.

Элетра шагнула к люку.

– Сюда...

– Эта штукавина будет слушаться или... – вмешался Рас.

Я шагнул мимо Элетры к люку как раз вовремя, чтобы схватить поджидающий там вражеский дрон. Швырнул его о переборку и отряхнул осколки с рук.

– Сюда, – сказал я, следуя по схеме ГИКа.

Люди последовали за мной.

Я вызвал почти всех своих дронов и отправил их вперед, на разведку, и поставил сзади, прикрывать нас. Я выбрал длинный обходной путь к медотсеку. В темном коридоре загорались огни, когда мы проходили по нему – автономный рефлекс. Для человека это все равно что видеть дергающееся мертвое тело. ГИКа здесь больше не было, ни следа его дронов, но кое-какие низшие функции были еще живы, код работал даже в отсутствие контролирующего его разума.

Система-захватчик, вероятно, своего рода бот-пилот, изменила ключи доступа к вражеским дронам. И, видимо, именно она вела корабль через червоточину. Корабли не могут делать это на автопилоте, по крайней мере так говорилось в «Первооткрывателях» и других сериалах про корабли, которые я смотрел. Которые хотел посмотреть ГИК.

Я назвал захватчика вражеской командной системой.

Надеюсь, она была достаточно разумна и испытывала боль, когда я ее убивал.

Но до того предстояло еще немало потрудиться. А изображения дымящихся тел Цели № 1 и Цели № 3 в самом сердце командной палубы ГИКа занимали слишком много места в оперативной памяти.

Несколько дронов-разведчиков я оставил в коридорах у командной палубы, велел записывать любые движения и ано-

мальную активность и отмечать их на схеме ГИКа. Нужно найти способ заранее обнаруживать вражеские дроны.

Дрон-разведчик № 2, висящий у потолка в вестибюле перед кают-компанией, засек активность. В вестибюль стеклись Цели и попытались открыть люк, но Цель № 3, видимо, задраил его вручную изнутри. Новые Цели, назовем их № 4, № 5 и № 6, возились с панелью управления, но явно не понимали, как открыть замок. Что бы ни происходило в их странной сети и командной системе, они не могли добраться через нее до систем ГИКа.

ГИК мертв.

Мне хотелось остановиться и прислониться головой к переборке, но на это не было времени.

Дроны за моей спиной показали, что Элетра обняла Амену за талию, помогая ей идти. Рас тоже прихрамывал и пытался одновременно оглядываться и наблюдать за мной. Все трое дрожали и потели – вероятно, от шока.

Вот именно. Люди. И эти люди в беде. Юная дочь Мензах и двое новых, явно раненых.

Киллербот, ты должен собраться.

– Вы знаете, сколько на борту Целей? – спросил я.

– Целей? – повторил Рас.

– В смысле тех серых людей, – вмешалась Амена, заскрежетав зубами, когда пришлось перенести вес на больную ногу.

– Я видела пятерых, но не уверена, что это все, – ответила

Элетра.

– Как минимум пять, – согласился Рас. – И у них полно ботов, дронов и всякой всячины. Нужно попробовать добратся до инженерного модуля. Скажи своему автостражу...

– Я же говорила, он мне не подчиняется, – раздраженно выдохнула Амена.

Я уже обнаружил шесть Целей, из них три до сих пор функционировали (считая тех, от которых осталось сплошное месиво), так что информация людей оказалась бесполезной. Что ж, ничего удивительного. Я выстроил дронов-разведчиков перед нами в облачной формации и послал их вперед, сканировать пространство.

Разведчик № 2 показал, что Цели № 4, № 5 и № 6 прекратили бессмысленно ковыряться в замке. Они быстро проверили бронекостюмы и полностью закрыли щитки шлемов. Вот незадача. Семи дронов для убийства двух Целей многовато. Причем одна Цель уже ранена. Так что семь дронов для убийства одной с половиной Цели. А мой запас дронов ограничен. У меня не было данных, насколько хорошо их броня отражает удары дронов, а если пытаться это выяснить, я потеряю еще один взвод.

Дроны мне нужны для предупреждения о вражеских дронах – вкуче со вражеской командной системой это куда более серьезная угроза, чем хлипкие Цели. К тому же три моих дрона, которые разведывали главный отсек около командной палубы ГИКа, девяносто семь секунд назад пропали, а зна-

чит, столкнулись с вражескими стелс-дронами. Я терял свои «глаза» в других отсеках корабля, а это не лучшее положение. Прямо скажем, паршивое. Так считал даже мой модуль оценки рисков, а я знаю, чего стоят его оценки.

Мы добрались до люка жилого отсека, и я шагнул в сторону, пропуская людей, а потом нажал на ручной замок. Люк опустился за нами, я открыл панель и прожег несколько ключевых компонентов излучателем.

А в это время у меня за спиной происходило вот что:

– Зачем он это делает? – спросил Рас Амену.

Та непонимающе уставилась на него.

– Автостраж, зачем ты это делаешь? – спросила она.

Проверив схему ГИКа, я нашел пару уязвимых мест. Я мог перекрыть жилой отсек вместе с каютами, медотсеком, камбузом, учебными классами и кают-компанией, запечатав еще всего два люка. Не лучший выбор, но сейчас мы бы вряд ли добрались до инженерного отсека или лаборатории, а людям нужны хранящиеся здесь припасы. Я был почти уверен, что у вражеских дронов нет инструментов для ремонта люков. Цели могли это сделать, но я успел бы туда добежать загодя. Цели могли бы достать нас через внешние люки, но тогда им пришлось бы надеть скафандры и перемещаться вдоль корпуса, пока мы находимся в червоточине, а судя по тому, что я видел в сериалах, это плохая идея.

– Я пытаюсь создать безопасную зону.

– Он пытается создать безопасную зону, – сказала Амена,

повернувшись к Расу.

Он снова перевел взгляд с нее на меня и обратно, я шагнул мимо него и посмотрел в проход. В перекрестке моргнули и пропали три моих дрона. Я бросился вперед, перекатился по коридору до перекрестка и выстрелил в двух поджидающих там вражеских дронов из излучателя левой руки. Один упал на палубу, второй завихлял в воздухе. Я поднялся и разбил его о переборку.

Дрон-разведчик № 2 в вестибюле у командной палубы записал, как Цели снова приближаются к задраенному люку. Неужели они думают, что мы или еще кто-то внутри? Они говорили без автопереводчика, и я не мог понять разговор.

Я велел основной формации дронов лететь дальше по коридору, к медотсеку, и убедиться, что там чисто.

– Бегом! – велел я людям.

Никто не стал спорить, все быстро похромали за мной.

Мы прошли по двум коридорам, повернули и оказались на месте. Стол медсистемы был обесточен и тих, хирургическая система свернута к потолку, и никаких следов медицинских дронов. Странно было снова увидеть это место. Не в плохом смысле странно, просто странно. Именно здесь ГИК внес изменения в мою конфигурацию, чтобы помочь мне сойти за человека, когда он спас мою клиентку Тапан.

О-хо-хо, эмоции...

Я проверил отсек, просканировал туалет, душевую, морг и другие примыкающие помещения, убедившись, что там нет

вражеских дронов или еще каких неопознанных враждебных объектов. Люди стояли в центре комнаты и с напряжением наблюдали за мной.

– Оставайтесь здесь, – сказал я, закончив с обыском.

Я оставил один дрон в качестве передатчика для связи с Аменой и ушел, закрыв за собой люк.

Послав дронов вперед, я побежал за ними, к люку на противоположной стороне модуля. Если Цели вычислили, что я делаю, этот люк – ближайший к вестибюлю командной зоны, где они сейчас собрались.

Добравшись до люка, который собирался задраить, я рискнул высунуться в короткий проход к следующему отсеку. Органическая нервная ткань засекала движение, и я тут же опустил люк и задраил его вручную. Оставил дрона в карауле и помчался к последнему люку.

Люди в медотсеке по-прежнему кучковались вместе.

– Ты можешь сказать, что он делает? – прошептала Электра.

– Задраивает люки, он же сказал, – ответила Амена.

Рас выглядел раздраженным и нетерпеливым, но спорить не стал.

Третий люк вел в смежный отсек, откуда имелся запасной проход в инженерный модуль. Этот люк уже был закрыт и задраен, но я все равно спалил панель ручного управления. В других отсеках корабля я уже потерял все дроны, кроме четырех: Разведчик № 1 был заперт в кают-компании на ко-

мандной палубе вместе с двумя мертвыми Целями. Разведчик № 2 завис у потолка вестибюля, присматривая за Целями, собравшимися у задраенного люка, а дроны № 3 и № 4 держались у потолочных балок в ближайших коридорах.

Я пошел обратно в медотсек, позволив сопровождающим меня дронам-наблюдателям немного рассеяться. В теле что-то болело, пришлось приглушить болевые сенсоры.

В коридоре у медотсека я разделил дроны на два взвода и отправил их в противоположные стороны. Следовало проверить этот отсек и убедиться, что я не запер здесь вместе с нами какую-нибудь дрянь, но сначала мне нужно было узнать кое-что другое.

– Что происходит? – спросил Рас, как только я вошел в медотсек. – Он посмотрел на Амену, по-прежнему не понимая, к кому обращаться. – Мы здесь в безопасности?

Я знал обычный размер экипажа ГИКа – только командный состав насчитывал восемь человек плюс меняющиеся преподаватели и студенты. После краткой разведки я убедился, что в последнее время в медотсеке никого не лечили, а в морге не было мертвецов. И это хорошо, если только тела не выкинули в космос. Я знал, что по этому поводу почувствовал бы ГИК.

– Где команда корабля? – спросил я.

Рас снова посмотрел на Амену. Она нахмурилась и обратилась ко мне:

– Я думала, они и есть команда.

– Нет, – сказала Элетра. Она тоже выглядела запутавшейся. – Мы с корабля компании «Бариш-Эстранца».

Амена повернулась к Расу и Элетре:

– Так где же команда этого корабля?

Рас сердито покачал головой:

– Слушай, ты еще совсем молода. Я так понимаю, автостражу приказали тебя охранять, но...

Амена саркастически фыркнула:

– Я ему даже не нравлюсь.

Признаю, люди меня раздражают, но она была несправедлива, потому что первой меня невзлюбила.

– Если ты велишь ему подчиняться нам, – сделал еще одну попытку Рас, – станет куда проще.

Элетра кивнула:

– Так будет лучше. Похоже, ты плохо понимаешь, как им управлять.

Амена нетерпеливо взмахнула руками:

– Слушайте, дело не...

Я понял, что настало время установить кое-какие оперативные параметры.

Я пересек комнату, схватил Расу за грудки, прижал к медплатформе и потребовал:

– Отвечай на вопрос.

За моей спиной съежилась и попяtilась Элетра.

– Автостраж! – выкрикнула Амена. – Мама рассердится, если ты его покалечишь!

Ах вот как, мы решили прибегнуть к такой тактике?

– Ты явно не в курсе, что твоя мама думает о корпорациях, – ответил я.

– Мы не знаем, где команда! – лихорадочно выпалила Элетра. – Рас, скажи ему, что мы не знаем!

– Мы не знаем! – просипел Рас.

– Это правда или вы только что это сочинили? – спросил я.

– Это правда, – выдохнул Рас. – Мы не знаем, что с ними случилось.

– Честное слово, мы не знаем, – добавила Элетра, достаточно убедительно. – С тех пор как мы попали на борт, мы никого не видели, только этих... этих людей.

Я выпустил Раса, и он отполз к Элетре в дальний угол комнаты. На его лице было напуганное и удивленное выражение.

– Прекрати быть таким гнусным, – зашипела Амена.

– Я просто пытаюсь сохранить тебе жизнь, – сказал я совершенно спокойно, понизив голос, как будто и вовсе не расстроен.

– Я это ценю, но... – Она покосилась на меня. – Ты паршиво выглядишь. Уверен, что все в порядке? Тот дрон тебя крепко приложил.

Ну да, но сейчас я ничего не могу с этим поделать.

– Нужно заняться твоей ногой, – сказал я. – Но не включай медсистему. Ее контролировал... – Почти на десять секунд я забылся. – Бот-пилот. Его взломали, прежде чем...

уничтожили, иначе он убил бы налетчиков. Но что-то управляет кораблем, ведет нас через червоточину, и оно же может контролировать медсистему.

Амена бросила встревоженный взгляд на молчаливую медплатформу. Рас и Элетра тоже.

– Я не знала, что бот-пилот способен убивать людей, – сказала Амена.

– Боты почти так же опасны, как люди.

Знаю, знаю, из всех возможных аргументов этот войдет в пятерку самых идиотских.

Амена озадаченно уставилась на меня:

– Хорошо, никакой медсистемы. Наверняка где-то есть обычные медицинские принадлежности.

– Воспользуйся наборами неотложной помощи из того шкафчика. А мне нужно закончить осмотр отсека.

А по нашей частной сети я добавил:

«Оставлю тебе несколько дронов».

Я выделил из отряда восемь дронов и велел им остаться с ней.

Глаза Амены округлились, она заколебалась. Три секунды я не мог понять почему. Она не испугалась, когда я схватил Расу, тогда выражение ее лица было скорее раздраженным. А потом я сообразил – она не хочет со мной расставаться. Но затем она резко выдохнула.

– Хорошо, – сказала она.

И добавила по сети:

«Дроны – это замечательно. Всегда об этом мечтала».

Я мог бы ответить «Только не говори, что я ничего тебе не дарил», и мы обменялись бы бодрящими подколками, как в сериалах. Но я ходил по трупам ГИКа, так что меня невозможно было взбодрить.

«Я буду на связи», – ответил я.

Я вышел, направившись к жилым каютам. Разведчик № 2 в вестибюле командной палубы по-прежнему следил за спутанным и оживленным разговором Целей. Постойте-ка, а ведь в их шлемах что-то изменилось. Я отмотал видео назад и увидел, в чем дело: цвет поменялся с тускло-серого на такую же пятнистую стелс-расцветку, как у вражеских дронов. Цели тоже это заметили, тыча друг в друга пальцами и комментируя случившееся, но это явно не было для них чем-то из ряда вон выходящим.

Очередное обновление вражеской командной системы. Только этого не хватало. Это собьет прицел моих дронов. К счастью, обновление – или что там это было – не затронуло остальную броню. Однако теперь я не мог нанести смертоносные удары дронами.

Я гадал, зачем Цели так упорно возятся с люком. Если Цели № 1 и № 2 могли бы воскреснуть из мертвых, Разведчик № 1 это уже заметил бы.

Хм... Учитывая, как вражеская командная система собирала данные с вражеских дронов, каким образом они записывали и передавали видео, три оставшиеся Цели могли и

не знать, что случилось с Целями № 1, № 2 и № 3. Они знали, что нас с Аменой подняли на борт, это наверняка. Но почему-то сосредоточились именно на задраенном командном отсеке. Не пошли в кают-компанию, где лежало тело Цели № 2. Может, несмотря на обновления вражеских дронов и вражеской командной системы, они не имели доступа к данным наблюдения? Командная система наверняка знала, что Цели погибли в результате физического столкновения, иначе не стала бы производить обновления. Неужели она не поделилась этими сведениями с Целями?

Знаю, мысль странная. Но если я прав, это еще одно доказательство теории о том, что у Целей нет доступа к большей части систем ГИКа, хотя вражеская командная система и управляет навигацией и, вероятно, оружием. Правда, у ГИКа не было доступных по сети камер наблюдения, как у любого обычного корабля.

ГИК.

Я достал простенький код, чтобы протестировать возможность проникновения, и запустил его в фоновом режиме на всех каналах, где возможна активность вражеских дронов.

Я собирался взломать вражескую командную систему и сделать с ней чудовищные вещи.

Если Цели пребывают в таком замешательстве относительно того, что случилось и где мы, можно этим воспользоваться. Я запустил еще один процесс, вытащив из архива аудиозапись. Если бы у меня на тот момент был план (а у ме-

ня его не было), я бы часто зависал. Мы находились в червоточине, и понадобится по меньшей мере несколько циклов, а то и больше, значительно больше, чтобы куда-нибудь добраться. И до этого я должен перехватить контроль над кораблем (ГИКом).

Дроны в медотсеке наблюдали, как Элетра вытащила из шкафчика набор неотложной помощи. Амена опустилась на скамейку, и Элетра открыла аптечку.

Рас с опаской поглядывал на дроны, которые кружились под потолком.

– Этот... Твой автостраж правда нас защитит? – спросил он.

– Конечно, – рассеянно отозвалась Амена.

Элетра в это время протягивала ей набор для обработки ран.

Со стоном облегчения Элетра открыла коробку с таблетками.

– Spина просто разламывается! Возьмем из аптечки только резервные пайки, но никаких лекарств.

– Так ты говоришь, им владеет твоя семья? – не унимался Рас.

– Нет, я этого не говорила.

Амена обмотала раненую ногу. И чуть не упала, когда повязка впрыснула в ногу лекарства от боли и инфекции, прямо через разорванную штанину.

«Скажи им, что я работаю на экспедицию «Сохранения»

по контракту», – сказал я.

– Он работает на экспедицию «Сохранения» по контракту.

Амена выпрямилась.

«Именно так и есть, почему ты просишь меня сказать это, как будто это неправда?»

«Потому что для них «по контракту» означает совсем другое. В Альянсе «Сохранение» значит, что я согласился работать в экспедиции ограниченное количество времени в обмен на компенсацию. В Корпоративном кольце это означает, что экспедиция арендовала меня у владельца, в точности как вы арендуете жилмодуль или транспорт, разве что к жилью и транспортным средствам люди питают теплые чувства».

Раса ответ Амены, похоже, смутил.

– Нужно избавиться от дронов, – сказал он. Он оглядел набор неотложной помощи и вытащил контейнер с огнетушителем. – Можно попробовать этим.

Элетра села на пол и протянула Амене коробку с лекарствами.

– Не припоминаю, чтобы я слышала об экспедиции «Сохранения». Это дочерняя компания какой-то крупной корпорации или...

Пока Амена объясняла Элетре концепцию некорпоративного сообщества (что это не просто дикари в набедренных повязках, которые орут друг на друга, а многие такие сообщества имеют станции, города и отправляют исследователь-

ские экспедиции), я добрался до жилых кают и по-быстрому начал поиск. Некоторые каюты явно не использовались, в основном предназначенные для студентов – с несколькими койками. Кровати были убраны в стены, и в поле зрения не попадали личные вещи, в точности как в последний раз, когда я сюда заходил. Другие каюты выглядели обитаемыми: разложенные кровати и мебель, постель в беспорядке, повсюду одежда, гигиенические принадлежности и личные вещи. Как будто здесь жила команда, но все вышли за секунду до моего появления. Было что-то зловещее в полном отсутствии какого-либо движения, только система очистки воздуха колыхала кисточки на ткани, украшающей стены.

Но ни следа тел.

«Не говори корпоративщикам, что ты дочь доктора Мензах», – предупредил я Амену.

«Я не такая дура», – отозвалась она.

Они как раз покончили разбираться с тем, что собой представляет «Сохранение», и перешли к обмену актуальными данными, включая имена и что вообще происходит.

– Этот корабль напал на нас сразу после того, как мы вышли из червоточины. А вы как попали на борт? – поинтересовалась Амена.

– Он и на нас напал. Мы летели на корабле снабжения вместе с главным кораблем исследовательской экспедиции, и тут этот корабль начал стрелять. Мы удрали в шаттле, и нас затащили на борт. Вот так все случилось. – Элетра откинула во-

лосы за спину. Она выглядела измотанной. – Каким-то образом они нас вырубили, пока мы были в шаттле. Мы потеряли сознание. И вдруг очнулись уже на палубе этого корабля, и над нами смеялись эти серые люди. Не знаю, что произошло с остальными.

Я задумался, куда делся шаттл. Он все еще на борту? И здесь ли шаттлы ГИКа? Без доступа к системам ГИКа я мог это выяснить, только проведя физический обыск. Как будто мне сейчас больше нечем заняться. Кстати, о занятиях. Я вызвал Разведчика № 1, по-прежнему запертого на мостике, и велел ему постоянно сканировать активность всех дисплеев, которые он сумеет обнаружить.

– Мы не знаем, зачем они нас забрали, – сказал Рас. – Заперли в каюте и просто бросили. Мы не знаем, чего они хотят, а они не говорят.

– Исследовательский корабль намного быстрее нашего, – добавила Элетра. – Видимо, он спасся.

– Я думаю, наш корабль-база тоже ушел, – медленно говорила Амена. – Автостраж пытался доставить нас на базу, но они захватили нас и затащили в шлюз.

Я проверил уже почти все места, где могут лежать тела экипажа.

Возможно, я смотрю слишком много сериалов, потому что, бродя по голым коридорам и пустым, но недавно обитаемым каютам, я представил, что обнаружу таким дом Мензах на планете. Пустым, без людей, только с оставшимися после

них вещами, и никаких следов в сети, никаких записей с камер, никакой возможности их найти.

Но не время для глупостей.

– Здесь есть еда или вода? – спросила Элетра и накрыла голову руками. – Чудовищная головная боль.

Рас вскочил на ноги и поморщился.

– Здесь есть ванная.

В следующих каютах я начал обнаруживать аномалии. В одной каюте явно держали Раса и Элетру. На койке валялась их скомканная форменная куртка. Ванной в каюте не было, но воняло здесь не так ожидаемо кошмарно, как обычно бывает, когда люди проводят много времени взаперти без доступа к воде и гигиеническим принадлежностям. Видимо, Цели их периодически выпускали.

Завершился процесс извлечения некоторых видеозаписей (серии разговоров между двумя моими любимыми персонажами «Лунного заповедника»). Я удалил оттуда музыку и звуковые эффекты, понизил громкость и сделал нарезку длиной в час и двадцать две минуты, а потом передал запись Разведчику № 1 в задраенном отсеке командной палубы. Я специально отобрал места, где персонажи говорят шепотом или очень тихо, хотя и напряженно. Результат получился даже более эффективным, когда к нему приплюсовался гул Разведчика № 1, рыскающего в поисках данных с дисплеев.

Я продолжил осмотр жилого отсека. Видимо, Цели тоже пользовались этими каютами. Эти серые люди не произво-

дили впечатления существ, уважающих чужое личное пространство. Однако странный запах был первым доказательством того, что я прав. В человеческом жилье обычно пахнет грязными носками, даже если они чистые. Но тут пахло странно, как на ферме, чем-то похожим на питательный субстрат в сельскохозяйственных системах.

По данным Разведчика № 2 в вестибюле командной палубы, все Цели прижались шлемами к люку и пытались подслушать разговор.

Несмотря ни на что, это было забавно.

– Так вы тоже летели в экспедицию? – спросила Амена.

Она явно старалась говорить будничным тоном, хотя другие люди, вероятно, не замечали того же, что и я.

– Нет. Ну... в какой-то степени, – ответил Рас. Он налил воду в ванной и принес стаканы остальным. – Это была экспедиция по возврату имущества.

– Попытка возврата, – уточнила Элетра. Она сделала большой глоток воды и вытерла губы. – Нашу группу послали работать в заброшенные поселения. – Она поколебалась. – Я не... Это конфиденциальные сведения.

– Я младший интерн-исследователь и даже не из Корпоративного кольца, – напомнила Амена. – Я никому не скажу.

Рас в отличие от Элетры был готов поделиться информацией.

– Мы получили задание возродить поселения на пригодной для жизни планете. На одной из систем, которую нанес-

ли на карту еще до основания Корпоративного кольца. Слышала о таких?

– Конечно. – Амена смущенно нахмурилась.

Я тоже ничего не понял. Через бреши в моем образовательном модуле легко пролетит истребитель, но в сериалах говорили об исследовательских экспедициях до возникновения Корпоративного кольца. Ведь не корпорации изобрели космос и планеты, как бы ни пыталась Компания получить на это патенты.

Элетра поерзала, поморщилась и вздохнула:

– Координаты многих систем были потеряны, прежде чем изобрели стабилизаторы червоточин, но исследователи иногда находят их, реконструируя хранилища данных. Если корпорация обнаруживает расположение планеты, то может заявить о праве собственности на нее, а потом основать колонию.

– Сорок или пятьдесят лет назад было много спекулятивных вложений в колонии, – продолжил Рас. – Естественно, куча корпораций переоценили свои возможности и обанкротились, а колонии были потеряны.

– Потеряны? – Судя по выражению лица Амены, теперь она поняла, но ей это не понравилось. – То есть колонии забросили и первых колонистов просто предоставили своей судьбе?

Теперь и до меня дошло. Об этом говорилось в исторических драмах и документальных фильмах на «Сохранении».

«Сохранение» как раз и основали выжившие из колонии, которую перестали снабжать припасами. В случае «Сохранения» вовремя прибыл независимый корабль и сумел отвезти колонистов на более пригодную для жизни планету.

Эта история была популярна на развлекательных каналах «Сохранения». И все там знают переложение речи капитана Консуэлы Макебы о том, что они не оставят на смерть ни одной живой души. Мензах показывала ролик из наиболее популярного сериала с этой речью на настенном экране станционного офиса.

Если бы в колонии был автостраж, вероятно, нашлась бы веская причина оставить его на умирающей планете.

На самом деле я в это не верю.

Хотя иногда верю.

– Теперь возвращение бывших колоний – большой бизнес, – сказал Рас. Он допил воду и отставил стакан. – Оборудование для терраформирования обычно остается на месте, как и жилые модули и прочее имущество.

Лицо Амены стало каменным. Она притворилась, что возится с повязкой на ране, только чтобы на них не смотреть.

– Ты вы нашли заброшенную колонию?

– Нас атаквали по пути туда, – ответила Элетра, пока Рас успел только открыть рот.

Я обнаружил большую каюту, которая выглядела так, будто ее перевернули вверх дном. Скомканная одежда на полу, в том числе и синяя форма экипажа ГИКа. В маленькой при-

мыкающей душевой валялись гигиенические принадлежности – открытые, рассыпанные и пролитые. Несколько артефактов и голографические изображения людей, играющих на музыкальных инструментах, были разбиты и валялись на полу. Кто-то пытался сломать даже экран, но не сумел, и тот перекосясь, на нем застыло изображение двух немолодых мужчин, возраста Мензах или старше, насколько я могу судить (а я плохо определяю человеческий возраст).

У одного мужчины была темная кожа и большие залысины на лбу, а другой светлее, с короткими седыми волосами. Оба улыбались в камеру, а за их спинами на стене красовался логотип ГИКа. Я мог бы поискать их в списке экипажа ГИКа, который сохранил, но мне не хотелось.

В груди что-то кольнуло. Я вытащил из памяти записи разговоров с ГИКом, как он говорил «моя команда». Смерть ГИКа ужасна сама по себе, но еще бóльшая несправедливость заключалась в том, что погибли люди, которых он так любил.

Мне хотелось найти побольше этих воняющих водорослями серых говнюков и вышибить дух из каждого.

От резкого понижения производительности на целых пять процентов у меня затряслись колени, и я прислонился к лючку каюты. В течение двенадцати секунд мне хотелось лишь рухнуть на палубу и лежать вот так.

Но я должен вернуться к Амене.

А кроме того, после того как здесь пошуровали Цели, ка-

юта выглядела отвратительно.

В медотсеке снова зашел разговор обо мне. О-хо-хо.

– Ты должна быть осторожна, – сказала Элетра. – Этот автостраж, похоже, видоизменен, чтобы напоминать человека, но это не меняет его программный код.

– Хм... – промычала Амена, не глядя на нее и по-прежнему ковыряясь в повязке на ноге.

– Я знаю, ты думаешь, что он пытается тебя защитить... – встрял Рас.

– Он не пытается, а защищает, – резко ответила Амена.

– Они ненадежны, – заверил ее Рас. – Это все из-за человеческой нервной ткани.

Ну, не сказать, чтобы он ошибался.

– Они сбегают и набрасываются на подписавших контракт клиентов и обслуживающий персонал, – продолжил Рас.

Амена прикусила губу и закатила глаза – это значило, что ее переполняют эмоции, но я точно не понял какие.

– Интересно, с чего вдруг, – сказала она ничего не выражающим тоном.

По дороге к медотсеку я прошел через камбуз и учебный отсек, прочесал шкафчики и раздобыл упакованные пищевые пайки. На корабле хранилась куча припасов для исследования планет. На кораблях, которые занимаются только картографированием, обучением и перевозкой грузов обычно такого не бывает.

Свернув за поворот коридора, я связался с Аменой по се-

ти, сказать, что возвращаюсь, и начал пересматривать архив, сравнивая прежние записи с борта ГИКа с увиденным. А знал ли я в действительности, чем занимались ГИК и его экипаж? Я никогда не спрашивал, «исследования дальнего космоса» звучали скучновато. Почти так же скучно, как охрана горнодобывающего оборудования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.